

ПЕРЕ-ПОСТ-СОВЕТ

#1

THE POST-SOVIET LABORATORY OF RELEARNING

товарищ-вестник курса переквалификации школы вовлеченного искусства
the comrade-newsletter of the School of Engaged Art relearning course
Октябрь / October 2019

Перед вами первый номер вестника курса переквалификации постсоветских исследований. Он составлен на основе уже реализованных и находящихся в процессе развития индивидуальных и коллективных работ и предъявлении позиции участников курса.

Этот курс /лаборатория был задуман как попытка осмыслить нашу ситуацию и место в стремительно меняющемся мире, понять закономерности локального развития, наши аффекты, травмы, раны и надежды.

С первого взгляда тема постсоветского кажется несколько избитой – ну сколько можно к этому возвращаться?

Действительно, есть ощущение, что для нового поколения, тема постсоветского часто выглядит мало привлекательной, избитой и не вдохновляющей. В тоже время можно сказать, что именно сейчас, эта тема обретает свое новое значение и важно понять почему. Я бы сформулировал эти предпосылки так:

1) Возвращение геополитических противостояний, берущих свои истоки во времена холодной войны.

Очевидно, что новый виток противостояния «запад-россия» начался уже давно. Можно по-разному вычерчивать его генеалогию – можно вспомнить о расширении НАТО на Восток в нарушении изначальных договоренностей с Россией. Можно вспомнить реакции на бомбежки Сербии (1999), открытый военный конфликт в Грузии (2008), в Украине (2014), Сирии (2015) и ряд других нарастающих конфликтов в Африке и повсюду. Ситуация обострилась и разделение на лагеря возвращается в новой конфигурации.

Россия снова оказывается в зоне внимания медиа, новостей и конечно же разных форм исследований - «противника» надо знать. Но противника надо не только изучать – его стоит изолировать и целый ряд санкций, оформленных, и не гласных, как раз работают на это. И работники культурного производства в России, не зависимо от их позиции по отношению к власти, оказываются отрезаны как от международных источников финансирования, так и от возможностей выстраивания международного гражданского партнерства. Эта ситуация нас неизбежно приводит к анализу следующего фактора

2) Воспроизведение старых моделей восточно-европейской и российской субальтерности в новой геополитической ситуации.

Это означает формирование подчиненного субъекта, занимающего угнетенное положение по отношению к «западному мастеру/хозяину», который администрирует ресурсы и производит языки включения и исключения.

Колониализаторская позиция по отношению к России, и ко всему к востоку от Одера – это не фикция, а вполне себе материальный исторический факт, и похоже, никуда не ушедший. Как и серия войн, конфликтов и различий в развитии. Еще Маркс презирал разные формы «азиатчины», к которым он относил Россию, считая ее безнадежно отсталой страной, которой требуется время для догоняющего развития до современного ему уровня капитализма. Позиция отчасти схожая с нынешним обще-либеральным взглядом, так называемых развитых и демократических стран.

Любопытно и важно отметить, что «идеология путинизма», построена на своеобразном извращенном прочтении теорий деколонизации. Местная идея «суверенной демократии» как политического пространства независимого от оценки и вмешательства извне (как хотим своих холопов, так и мучаем, а захотим, так и заботимся о них как нам бог велел...) дает нам основания для подобного наблюдения. Навязчивый призыв российской власти – «давайте говорить на равных» является настаиванием на своей отверженности и старых обидах.

Что могут этому противопоставить художники и работники культуры? Я бы предложил призвать на помощь и пере-интерпретировать наследие советского, как продолжение

универсального проекта вне западного контекста. Необходима процедура пере-интерпретации идеи универсального мира. Она может быть основана на простом утверждении «без меня мир не полный». Это обращение к полноте, возможности метапозиции и есть единственная, как мне кажется, возможность преодоления субальтерности. Важно настаивать, что универсальность она не западная, не колониальная, не патриархальная, а она ничья. У нее, как говорят, нулевой уровень принадлежности. И это то, что мы можем попытаться взять из советского проекта. Только еще более радикализовав эти идеи. Имеет смысл попробовать отвязать универсальность и от понятия класса и вообще человеческого.

3) Новый интерес к постсоветским исследованиям также продиктован развитием этического поворота в публичной сфере и искусстве, когда легитимность художественного, журналистского и исследовательского высказывания, все больше оценивается на основе принципа непосредственной/аутентичной принадлежности говорящего к событию, месту, группе высказывающихся. У нас уже не осталось возможности говорить за кого-то, не выстраивая отношений принадлежности. Но эти отношения не стоит понимать эссенциалистски, как нам предлагает политика идентичности. Это отношения становления и солидарности и, именно в этом, состоит важнейший урок советского опыта.

4) Новая волна антикоммунизма, парадоксальным образом проявляющая себя в момент полного разгрома левых политических сил.

Не будет преувеличением сказать, что весь XX век - это век борьбы капитала и коммунизма. В этом противостоянии капитализм готов задействовать самые мракобесные формы фашизма, национализма, фундаментализма, военных хунт, геноцидов и пр. И также можно констатировать, что капитал победил. Но почему-то антикоммунизм никуда не исчез и сейчас переживает новые формы возвращения – в самых избитых формах де-коммунизации постсоветского пространства как в Украине. Или же, в тоже давно нам знакомой пост-маккартиской форме политической борьбы как в США и Латинской Америке. То есть идея коммунизм, оказывается такой родовой характеристикой человеческого вида – чем-то неистребимым и не формулируемым – навязчивое желание уйти от принуждения частной собственности и эксплуатации. Именно поэтому, современный антикоммунизм - это попытка бороться с этими вечно возвращающимися призраками, такая попытка геноцида призраков «всеобщего» - с этими серебряными многотонными пулями и кольями-ракетами.

5) Территория призраков. Опыты прикладной постсоветской призракологии.

Советский Союз был уникальным местом, существующим не только в своем несовершенном материальном измерении, но и как пространство чистой идеи коммунизма, месте доказавшем невозможное – отношения людей, их повседневность и экономика могут развиваться уникальным способом без частной собственности. Сейчас это место полностью утратило свою материальность и окончательно превратилась в универсального призрака, с которым стоит выстраивать отношения – хотим мы или нет призраков будет нас преследовать, особенно в ареале своего привычного обитания.

1989 – это год первого приезда Жака Дерриды в СССР. И нам стоит обратиться к его общим идеям «призракологии» и посмотреть, какие новые отношения с призраками возможны сейчас, как они себя чувствуют через 30 лет. Пере-формулируя вопрос Дерриды, мы можем сказать, что если Советский Союз всегда был призраком, что означает заявление о том, что он умер? И что это значит для обитателей этих мест?

Пожалуй, пере-постсоветские исследования нашей лаборатории - это и есть попытка восстановления контакта с призраками, вместе с которыми имеет смысл отстаивать и обживать свое место.

ДМИТРИЙ ВИЛЕНСКИЙ

DMITRY VILENSKY

Пять факторов, заставляющих нас снова задуматься о постсоветском

that Make Us Think about the Post-Soviet again

Five Challenges

that Make Us Think about the Post-Soviet again

In your hands is the first issue of the newspaper put out by the post-soviet laboratory of relearning. It is based on works individual and collective, already realized and in-progress, as well as position statements from course participants. This course/laboratory originated as an attempt to make sense of our situation and place in a swiftly changing world, to understand the laws of local development and our affects, traumas, wounds, and hopes.

At first glance, the subject of the post-Soviet seems worn-out, and it is not clear how much more rehashing it can take.

It is true that it feels like for the new generation, the subject of the post-Soviet looks unappealing, worn-out, and uninspiring. At the same time, you could also say that only now is this subject beginning to take on its new meaning, and it is important to understand why. I would describe these factors as:

1) The return of geopolitical conflicts that have their origins in Cold War times

It is obvious that this new stage in the “West vs. Russia” standoff started a long time ago. We can trace its genealogy in different ways, perhaps recalling the expansion of NATO to the east, in violation of initial agreements with Russia. Or, we might recall the reaction

to the bombing of Serbia (1999), the open military conflicts in Georgia (2008), Ukraine (2014) and Syria (2015) and a number of other growing conflicts in Africa and everywhere. The situation has deteriorated and the practice of splitting up into camps is back in a new configuration.

Russia is once again in the spotlight of the media, the news, and, of course, various kinds of studies—you have to know your enemy. But the enemy doesn't only need to be studied, it needs to be isolated, and a whole range of sanctions, official and unspoken, are bringing that about. And cultural workers in Russia, regardless of their relationship to the government, are cut off both from international funding sources and from the possibility of creating civilian international partnerships. This situation inevitably leads us to analyzing the next challenge,

2) The reproduction of old models of Eastern European and Russian subalternity in a new geopolitical situation.

This means the formation of a subordinate subject in an oppressed position relative to the “Western master,” who administers resources and produces languages of inclusion and exclusion. A colonizing attitude towards Russia and to everything east of the Oder is not a fiction but a perfectly material fact that, apparently, has not gone anywhere, just like the series of wars, conflicts, and

differences in development. Even Marx despised various forms of “Asiatic barbarism,” which for him included Russia, which he considered a hopelessly backwards country that needed time to catch its development up to the level of the capitalism of his day. This position to some extent resembles the current liberal perspective of so-called developed and democratic counties.

It is curious and important to note that the “ideology of Putinism” is built on a sort of perverted reading of decolonial theory. The local idea of “sovereign democracy” as a political space free from judgement and interference from without (“we'll torture our serfs however we want, or if we feel like it, we'll take care of them like God commanded us to...”) gives us grounds for such an observation. The Russian government's persistent appeal—“let's speak as equals”—is an insistence on their rejection and old resentments.

What alternative can artists and cultural workers offer? I would propose that we call on the aid of the Soviet legacy and reinterpret it as a continuation of a universal project outside of a Western context. We need a procedure for reinterpreting the idea of the universal world. It could be based on the simple declaration that “without me, the world is incomplete.” This appeal to completeness and to the possibility of a meta-position is, it seems to me, the only way to overcome subalternity. It is important to insist that universality is not Western, not colonial, not patriarchal—it is nobody's. It has,

NOW IS THE TIME FOR US TO MAKE SURE THAT THIS MASS OF EXCEPTIONALLY VALUABLE MATERIAL BECOMES AN ASSET OF THE MASSES

as they say, a zero-level of belonging. That is what we can attempt to take from the Soviet project, but only by radicalizing these ideas even further. It is worth trying to disentangle universality even from the concept of class and the human itself.

3) This new interest in post-Soviet studies is also dictated by the growth of the ethical turn in the public sphere and in art, where the legitimacy of an artistic, journalistic, or academic statement is increasingly judged according to the principle of the speaker's direct/authentic belonging to an event, place, or group of speakers. It is no longer possible for us to speak for someone without establishing a relationship of belonging. But these relationships need not be understood in an essentialist way, as identity politics proposes we do. They are relationships of becoming and solidarity, and this is precisely where the most important lesson of the Soviet experience is to be found.

4) A new wave of anticommunism, paradoxically appearing at a moment of complete defeat for the left.

It is not an exaggeration to say that the whole 20th century was a century of struggle between capital and communism. Capitalism has always been willing to draw on the most reactionary forms of fascism, nationalism, fundamentalism, military juntas, genocides,

etc. in this conflict. We can also say that capital was victorious. But for some reason, anticommunism hasn't gone anywhere and is now undergoing new forms of resurgence—whether the most hackneyed forms of decommunization in the post-Soviet space, as in Ukraine, or the well-known post-McCarthyist form of political struggle, as in the US and Latin America. That is, the idea of communism becomes a kind of inherent characteristic of the human species—something indefinite and ineradicable—an insistent desire to move away from the coercion of private property and exploitation. That is why today's anticommunism is an attempt to battle these eternally returning spectres, a kind of attempted genocide against the spectres of the universal, with many-ton silver bullets and rockets for stakes.

5) The spectre zone. Experiments in applied post-Soviet hauntology.

The Soviet Union was a unique place that existed not only in an imperfect material dimension, but also as the space of a pure idea of communism, a place that proved the impossible—people's relationships, their everyday life, and the economy can develop in a unique way without private property. Today this place has lost its materiality altogether and finally turned into a universal spectre that is worth building a relationship with—whether we want it or not, the spectre will haunt us, especially throughout its natural habitat.

1990 was the year of Jacques Derrida's first visit to the USSR. We too should look to his general ideas of "hauntology" and see what kind of new relationships with spectres are possible now, and how the spectres are feeling after 30 years. Rephrasing Derrida's question, we can say that if the Soviet Union was always spectral, what does it mean to say it is now dead? And what does that mean for those who live there?

Perhaps the re-post-Soviet studies of our laboratory are this attempt to reestablish contact with the spectres who are worth partnering with as we defend our place and make it habitable.

RE- PERE- POST- SOVIET

**Антонина
Стебур**

**Antonina
Stebur**

Сегодня, спустя 30 лет после падения Берлинской стены, термин “постсоветское” все еще оказывается релевантным и входит в скудный лингвистический арсенал для описания стран, входивших в СССР. Что это означает? Таким образом, все эти страны и территории объединены единой отсылкой к прошлому, именно это прошлое выступает как точка отсчета описания, а зачастую и само-описания этих территорий.

С одной стороны, из термина «постсоветское» не вытекает внятной политической повестки, ориентированной в настоящее или будущее, но только обнажается ее травматическая склейка с прошлым. С другой стороны, этот термин имеет большой идеологический потенциал для описания «Другого». Он отсылает к бинарной риторике Холодной войны, что особенно заметно после аннексии Россией полуострова Крым. То есть термин «постсоветское» отсылает к страху перед «Другим», но при этом сама приставка «пост-» как будто сбавляет градус накала, расставляет диспозицию сил «проигравших и побежденных».

Подобным образом термин «Восточная Европа» существует не столько территориально, сколько идеологически и политически, маркируя собой чуть менее цивилизованную Европу и так проводя демаркационную линию. Термин «постсоветское» также может быть прочитан в постколониальном ключе. Здесь применима логика, которую описывает польская исследовательница Агата Пызик в своей книге «Бедные, но сексуальные»: “Если в Восточной Европе обсуждают проблемы бедности и эксплуатации, то это описывают как ненастоящий западный капитализм, как восточную подделку”.(1) Таким же образом функционирует термин «постсоветское» в современной картине мира: как обозначение дефектного другого.

Постсоветское существование оказывается проблематичным еще и ввиду того, что сам этот термин оказывается триггером, поскольку накрепко связан с советским. Отсутствие дистанции и постоянная апелляция к советской эпохе (советским эпохам) разворачивается по двум ультимативным линиям: советское как объект фобии и советское как ностальгия. В первом случае советский период прочитан как однозначное зло, которое следует вычеркнуть из истории и забыть. Во втором случае происходит эстетизация коммунизма и советского прошлого. Обе эти стратегии оказываются заведомо проигрышными, поскольку исключают политическое измерение и не рефлексируют над историческим проектом коммунизма. И первая, и вторая стратегии подыгрывают колониальной риторике постсоветского, которое оказывается на периферии, и в той или иной мере призваны лишь оттенять западный мир и неолиберальную идеологию. В итоге термин «постсоветское» оказывается сырьем как для тех, кто ностальгирует по СССР, так и для западного мира, потому что позволяет сохранить статус-кво, поддерживает общее состояние деполитизации и обеспечивает экономический обмен.

Единственными стратегиями в таком смысле, оказываются переприсвоения и пересборки термина “постсоветское”, работа на руинах, которые бы выносили нас по ту сторону бинарных оппозиций: Запад-Восток, центр-периферия и т.д. Своеобразная процедура re-pere-post-soviet.

Прим:
1) Agata Pyzik. Biedni, ale sexy: Zderzenia kulturowe na Wschodzie i Zachodzie Europy. - Wydawnictwo w podworky, P.14

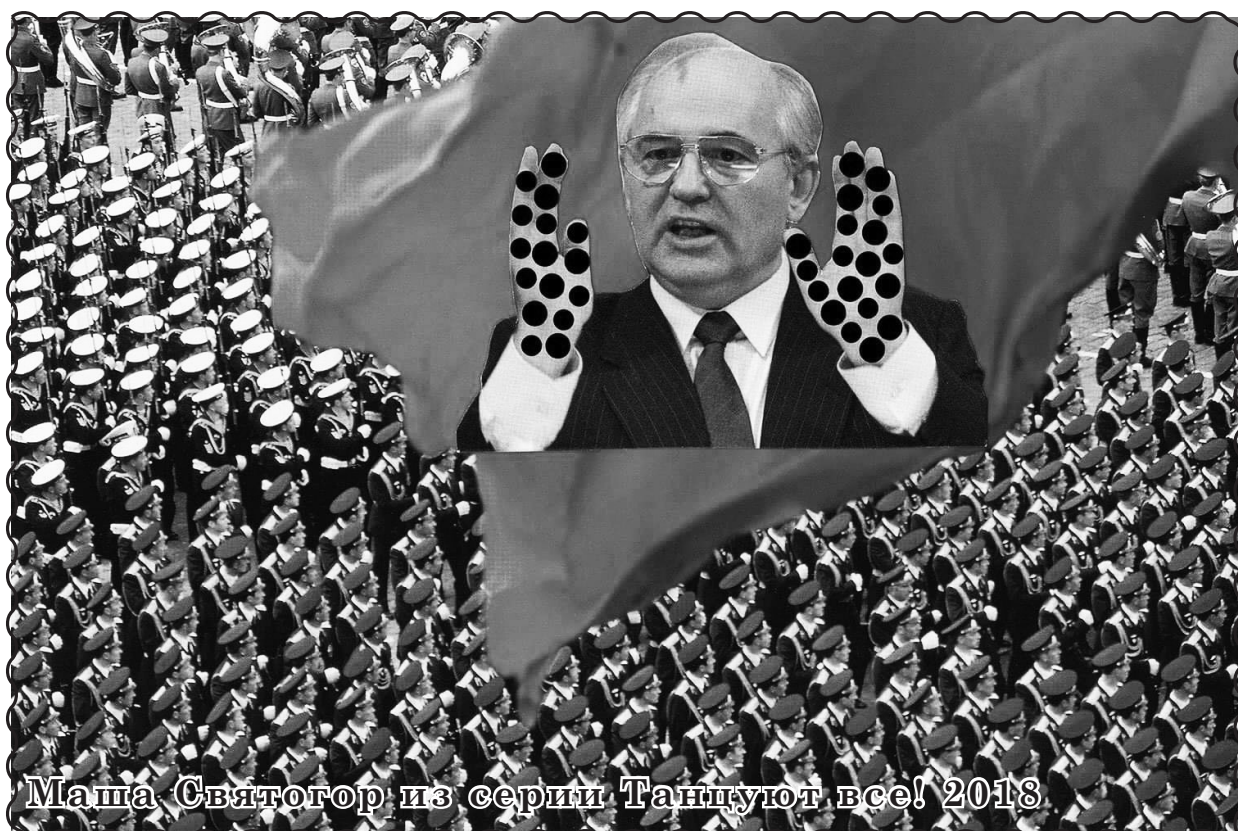
Today, 30 years after the fall of the Berlin Wall, the term “post-Soviet” remains relevant and a part of the meagre linguistic arsenal used to describe the countries that once made up the USSR. **What does this mean?** This phrase unites all these countries and areas with a single allusion to the past; this past is what acts as a reference point in descriptions, including self-descriptions, of these areas.

On the one hand, the term “post-Soviet” does not generate a coherent political agenda oriented towards the present or future, just a traumatic tacking-on of the past. On the other hand, this term has a high ideological capacity for describing “the Other.” It hearkens back to the binary rhetoric of the Cold War, something that has been especially pronounced following Russia’s annexation of the Crimean Peninsula. That is, the term “post-Soviet” refers to a phobia of “the Other,” while the “post-” prefix itself acts as a pressure relief valve, distancing us from the position of the “losing and defeated” forces.

Much as the term “Eastern Europe” exists not so much geographically as ideologically and politically, marking the slightly less civilized Europe and so drawing a demarcation line, the term “post-Soviet” can also be read along postcolonial lines. This logic is described by Polish cultural critic Agata Pyzik in her book Poor but Sexy: “If poverty and exploitation are discussed at all in Eastern Europe, they are framed as a pretend version of Western capitalism, as an Eastern knock-off.” In the same way, the term “post-Soviet,” in our contemporary worldview, functions to designate the defective other.

Post-Soviet existence becomes even more problematic when the term itself is revealed to be a trigger, because it is firmly linked to the Soviet. The lack of distance and the constant allusion to the Soviet era(s) unfolds along two fixed paths: those of the Soviet as a phobia and the Soviet as nostalgia. In the first case, the Soviet period is read as an unmitigated evil that should be erased from history and forgotten. The second case aestheticizes communism and the Soviet past. Both strategies are doomed in advance, given that they exclude the possibility of politics and fail to reflect on the historic communist project. The one and the other both play into the colonial rhetoric of the post-Soviet, which is left on the periphery and is, to one degree or another, called merely to act as a foil to the Western world and neoliberal ideology. In the end, the term “post-Soviet” becomes fodder both for those who are nostalgic for the USSR and for the West, because it allows them both to preserve the status quo, maintain an overall state of depoliticization, and enable economic exchange.

In this sense, the only strategies that remain are the reappropriation and reassembly of the term “post-Soviet,” working among the ruins that might carry us out of the binary oppositions of West/East, center/periphery, etc.—a kind of re-pere-post-soviet procedure.

Маша Святогор из серии Танцуют все! 2018

Оксана Тимофеева Магия солидарности

В 1990-х, сразу после распада СССР, российская желтая пресса взорвалась целой серией разоблачений вождей социалистического прошлого. Особенно досталось Ленину: как основатель государства, он стал излюбленной мишенью для любого рода нападков. Историки и журналисты наперегонки опубликовывали неизвестные, странные или неприятные факты ленинской биографии. Этот жанр до сих пор существует, и, кажется, он даже не сменяет, а по-своему продолжает уже имеющуюся и доставшуюся нам в наследство от советских времен традицию, просто переворачивая ее: каждый, кто, как и я, родился и рос в СССР, все еще помнит рассказы о жизни Ленина. Среди них – истории о Ленине, обманувшем царских жандармов, которые пришли к нему в дом на обыск; о том, как Ленин писал тайные послания товарищам из тюрьмы, используя молоко в качестве чернил, а хлеб в качестве чернильницы; о том, как Ленин встретил однажды печника, который, не признав в нем руководителя государства и приняв за случайного прохожего, нагрубил, а позже Ленин пригласил его в дом чинить печь и гостеприимно напоил чаем; о встрече Ленина с лисой в зимнем лесу. В этих советских рассказах-сказках вождь всегда изображался хорошим и добрым, в то время как в постсоветских разоблачительных текстах он выступает, скорее, в качестве отрицательного или двусмысленного персонажа. В одной из сравнительно недавних публикаций такого рода утверждается, что предки Ленина – из Западной Европы, а точнее из Германии, и высказывается предположение, что некто из этого рода – вероятно, прапрабабушка Ленина – была осуждена инквизицией и сожжена на костре за использование черной магии и колдовства.

Учитывая, как много людей было уничтожено по такому же приговору в XV–XVII веках, эта история вполне могла бы оказаться правдой. Моя цель, однако, совсем не в том, чтобы восстановить историческую справедливость и узнать, был ли Ленин и в самом деле потомком этой загадочной женщины. Меня просто интригует сама идея, что вождь революционного пролетариата мог бы быть потомственной ведьмой, колдуном или магом: сверхспособности, которыми он обладал, как я думала в бытность свою советским ребенком, могли бы быть буквально унаследованы от жертвы крупнейшего геноцида, осуществленного под знаменами христианства на заре капиталистической эпохи.

Перед нами не случайное совпадение. В книге «Калибан и ведьма: женщины, тело и первоначальное накопление» Сильвия Федеричи рисует убедительную картину рождения капитализма из духа инквизиции. Фигура ведьмы представлена здесь как «воплощение мира женских субъектов, которых капитализм должен был уничтожить: еретичка, целительница, непослушная жена, женщина, осмелившаяся жить одна, женщина-обеа, колдунья вуду, отравившая еду хозяина и поднимающая рабов на восстание». За охотой на ведьм, как показывает Федеричи, стоят объединенные усилия церкви и государства, направленные на то, чтобы запустить механизмы гендерного контроля над телами, имманентно сопротивляющимися новым режимам производства и воспроизводства. «Эпоха разума» изгоняет магию, квир, женское, анимизм и прочие альтернативные стили жизни, точно также как, если вспомнить анализ Фуко, она подвергает исключению безумие.

В капиталистической картине мира мы всегда знаем, к чему способно тело: оно способно трудиться, и только таким образом могут быть удовлетворены его потребности. Однако жизнь тела не всегда была встроена в эти рамки. Было время, когда тело понималось как место пересечения космических сил и часть природного целого, в котором все связано со всем. «В основании магии лежало анимистическое понимание природы, не допускающее никакого разделения между природой и духом и представляющее космос как живой организм, населенный оккультными силами, в котором каждый элемент находился в “симпатических” отношениях с другими». Чудо могло нарушать законы природы, но не нарушало цельности магического бытия и мышления.

Ниже следует мой собственный скромный набросок к теории магии, обусловленный моим же собственным детским опытом: когда-то я так сильно боялась темноты, что преодолеть этот страх я могла только позволив себе полностью отдаться его невидимому, анонимному объекту и отождествив себя с ним. Я знаю, что в этом не оригинальна: многие пользуются этим методом, интуитивно нащупанным мной в раннем детстве.

Маленьким ребенком впервые овладевает мечта стать магом, когда мир, поначалу такой ласковый и имманентный, перестает подчиняться исключительно его потребностям и начинает жить своей собственной жизнью. Когда вдруг оказывается, что взрослый мир управляется законом, безразличным к детскому желанию. Этот травмирующий нас еще в раннем детстве разрыв между миром и субъектом растет по мере осознания того, что что-то не так – либо с миром, либо с субъектом, – и преодолевается каждым на свой манер. Можно выделить две парадигматические стратегии локализации человеческого опыта бытия в мире между желанием и законом: религия и магия. Если религия помогает человеку изменить самого себя в соответствии с окружающим миром и подчинить желание закону, то магия, напротив, призывает изменить мир в соответствии со своим желанием и его произволу подчинить закон.

Магами становятся те, кто готов совершить нечеловеческое усилие, чтобы привести мир в соответствие со своими желаниями. Становятся от обиды, бессилия, отчаяния, тоски, грусти, жалости, ревности, зависти, одиночества, необратимости

смерти, бедности. А еще магами становятся от скуки – чтобы не быть обывателями. Магами становятся те, кто видит, что мир несправедлив, и кто думает, что изменить такое положение дел можно только при помощи чуда. Полагая, что несправедливость мира – превосходство богатых над бедными, сильных над слабыми, живых над мертвыми – является законом, он стремится этот закон преступить. Поэтому магу требуются большие силы и способности, чем те, которыми обладает обычный человек. Сил и способностей должно быть достаточно, чтобы исполнить свое или чужое желание, совершив чудо, – то есть нарушить закон, вмешавшись в естественный ход вещей и преодолев его инерцию.

Магия запрещена: даже простым фактом своего существования маги нарушают закон, природный и социальный, отвращая к каждому свое место и время. Поэтому все маги – другие. Они частично принадлежат иному миру, на который не распространяется действие закона. Однако и обычному миру – который пытаются исправить – они не перестают принадлежать, так что парадоксальным образом продолжают зависеть от его недействующего уже закона.

Если представить себе этот мир как целое, то ведьма, являясь его частью, в то же время нарушает целостность этого целого. То есть, с одной стороны, она ее обеспечивает, своим телом заполняя как бы случайные прорехи, а с другой – размыкает, так как за ее спиной остается невесть что, иной мир, агентом которого она является, или же просто небытие. Говорят, у ведьм вообще нет спины. Почему? – Потому что за спиной у ведьмы – ничто. Вот почему на нее так трудно охотиться. Повернувшись к нам спиной, ведьма исчезает.

Ведьма как концептуальный персонаж – это пограничная фигура, тело которой не женское и не мужское, не животное и не человеческое, не молодое и не старое: это чистый квир. Ведьмы могут превращаться в птиц, лягушек, змей и т.д., общаться и сотрудничать с животными и растениями. Они могут быть чем или кем угодно, но чем или кем бы они ни были, мир к ним всегда нетерпим. Между тем, что есть, и тем, чего нет, их тела несут в себе ту активную часть небытия, которую мы зовем желанием. Желание ведьмы – онтологическое: оно должно быть сильным настолько, чтобы позволить превратить то, чего нет, в то, что есть, небытие в бытие (вызвать дождь, воскресить мертвых). Это превращение и есть чудо.

Вернемся теперь к еретической фигуре Ленина-ведьмы, которая меня бесконечно вдохновляет. Что он определенно занимал своей предполагаемой прапрабабушкой – так это веру в чудеса. Ленин, правда, говорил, что умные люди не верят в чудеса. На это указывает Рональд Бур в своей книге «Ленин, религия и теология», отмечая, однако, что сам он при этом развивал альтернативную теорию чуда. Чудеса в ленинском понимании не происходят просто так, совершаются не Богом или другим высшим существом – но совершаются людьми. Ленинское утверждение: «Революция в известном смысле обозначает собою чудо» в такой перспективе можно понимать буквально.

Это далеко не единственное высказывание Ленина, в котором подчеркиваются чудесные стороны человеческой деятельности – такие как политическая борьба и упорный труд на благо социалистической революции. Ленинское чудо – это радикальный прорыв, который меняет то, что Ален Бадью назовет ситуацией. В терминологии Бадью такое изменение называется событием, тогда как для Ленина это именно чудо: оно совершается там и тогда, где и когда казалось невозможным, в отчаянной попытке преодолеть всем нам хорошо знакомое состояние бессилия, вызванное текущим положением дел. Мы не знаем заранее, мы рискуем всем, а потом, оглядываясь назад, удивляемся свершившемуся чуду.

Ленинское понимание чуда связано с особой важностью человеческой энергии, усилия и энтузиазма. Но это не все: как пишет Бур, помимо человеческих, здесь мобилизуются еще и «сверхчеловеческие» ресурсы. Я бы хотела обратить внимание на этот ницшеанский аспект ленинской политики: человеческое, слишком человеческое – это то, что должно преодолеть. Бур поясняет, что ключом к пониманию ленинского отождествления революции и чуда служит напряжение между стихийностью и организацией – между спонтанностью масс и партийным авангардом. Стихийность и организация – это два термина диалектического противоречия, а чудом является их синтез.

Ленинская магия основана на том, что чудеса возможны, если они совершаются не поодиночке, а сообща. Условие возможности материалистически понятого чуда – коллективное измерение. Истоком сверхсилы, которой овладевают ведьмы революции, является солидарность, в которой есть, конечно, нечто магическое. Солидарность действует подобно заражению и вовлекает тело в поток становления-другим, превращения. В левой традиции солидарность проявляет себя как товарищество – форма коллективной вовлеченности, которая отличается от любви, дружбы, сестринства и других отношений с какими-то конкретными людьми, имеющими имена, лица и что-то еще, что является для нас незаменимым. Товарищество же – сильное действующее вещество, которое растворяет идентичность любого существа. Я люблю этого конкретного мальчика, но множество моих товарищей анонимно, и я солидарна с ними безотносительно того, кто они такие, из какой страны, какого пола, возраста, – и даже какого они вида. Может ли волк быть мне товарищем?

This text is authors translation of

Oxana Timofeeva What Lenin Teaches Us About Witchcraft

published at e-flux

<https://www.e-flux.com/journal/100/268602/what-lenin-teaches-us-about-witchcraft/>

In the 1990s, right after the collapse of the USSR, the Russian tabloid press burst into a huge series of exposés on leaders of the state socialist past. A lot of this attention fell on Lenin—as the founder of the state, he became a privileged target of all sorts of attacks. Historians and journalists competed to reveal unknown, weird, or unpleasant facts of Lenin’s biography. This genre is still alive, and seems to replace—or simply invert—an old Communist legacy: everyone who, like me, was born in the Soviet Union, can still recollect a number of stories from Lenin’s life. Among them are stories of: Lenin deceiving the police officer who came for a home inspection, Lenin writing secret messages to his comrades from prison, Lenin inviting a stoveman for a cup of tea, Lenin meeting a beautiful red fox in the forest. In these Soviet legends, the leader is always portrayed as positive and gentle, whereas post-Soviet texts represent him as a negative or extremely ambiguous figure

.....
.....
.....
.....

Да, при всем очевидном видовом превосходстве волка, товарищество делает нас равными, если я воюю за волка, на его стороне (да, так можно).

Ленин и другие профессиональные революционеры работали в подполье – это называлось конспирацией. Как пишет Ларс Ли, в этом конкретном историческом контексте конспирация означала «набор правил, следуя которым, вы не будете арестованы полицией», или «искусство не быть арестованным». Некоторые даже не знают, что Ленин – это подпольная кличка Владимира Ульянова. Профессиональные революционеры жили по поддельным документам, под чужими именами. Слово «товарищ» отражает эту анонимность, которая, среди прочих, определяет, как пишет Джоди Дин, причастность к эгалитарной освободительной борьбе.

Самым, наверное, неприемлемым с точки зрения господствующей сегодня индивидуалистической парадигмы является то, что незаменимых товарищей не бывает. Надо понимать, что мы живем в обществе, признающем личность высшей ценностью. У каждого должна быть идентичность: мы идентичны в том, что должны быть однозначно идентифицированы. «Ты кто такой?» – снова и снова переспрашивает нас невидимый полицейский. – Я студент, я гей, я женщина, у меня биполярное расстройство. Товарищество же – это сложная открытая структура, взламывающая дефолтные настройки идентитарной программы. Вирус солидарности разрушает целостность границ автономного индивида. Это пугающий, магический противовес общей индивидуалистической догме. Вместо индивида здесь – набор явленностей и смена фигур. Неизменно в товариществе лишь то, на чем оно основано, что составляет предмет солидарности: то самое наше дело, наш общий вирус, наша общая боль. Дружба или любовь – это отношения все еще слишком человеческие, слишком технические. Товарищество выходит за пределы человечности, что ставит его в один ряд с магией и колдовством с их потоками превращений.

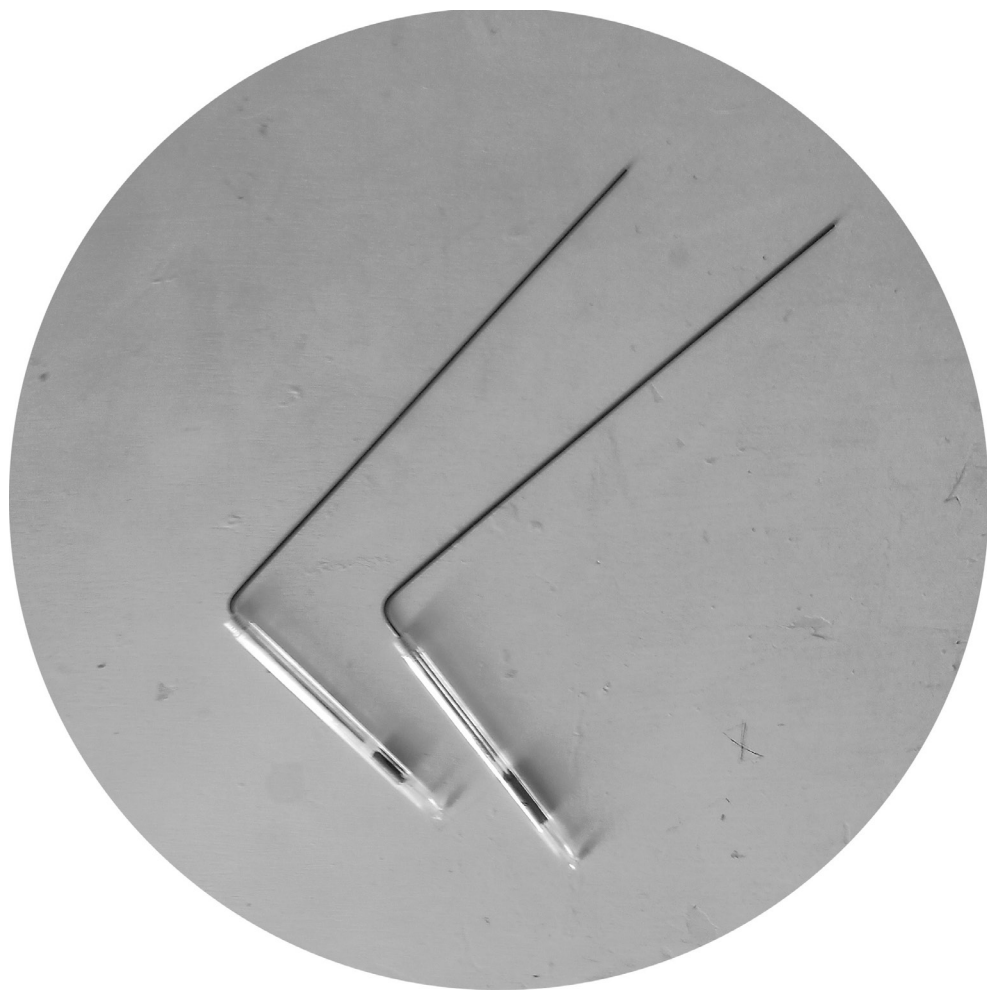
Товарищ не может быть один – не в том банальном смысле, что рядом с ней или с ним всегда будет кто-то еще, а в том, что товарищей всегда множество, и имя нам Легион. Именно на этом принципиально анонимном открытом множестве основано «искусство не быть арестованным», пойманным или сожженным инквизиторами всех времен. Когда нас много, и мы равны, мы отчуждаем, подвешиваем свою идентичность, таким образом поворачиваясь лицом к ничто, а спиной к полиции – и становимся для них невидимыми. Анонимизация любого, кто мог бы бросить в них условную урну – это магический щит против охотников на ведьм, которые хватают нас по одному.

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАГИИ ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ОТЧЁТ

Идея создания Института политической магии давно витала в воздухе, но первые конкретные шаги в этом направлении были предприняты только в конце весны 2019. Я предложил коллегам по курсу о постсоветском объединиться в одноименную группу 27 мая, через пару дней мы собирались обсудить подробности после лекции Оксаны Тимофеевой на тему «Товарищество», и – по забавному совпадению – на лекции (хотя

ничего не предвещало об этом) речь шла по большей части о магии, о революции как «чуде» и Ленине как колдуну. Первым делом, в целях учреждения Института был составлен Манифест:

МАНИФЕСТ

В моменты кризисов, когда у времени выворачиваются суставы, актуализируется политическая магия: **политика становится магической, а магия – политической.** Это свидетельствует о беспомощности и отчаянии: **когда не можешь ничего изменить, остаётся заклинать.** Но, поскольку магия амбивалентна, это же отчаяние обрисовывает и некую расплывчатую перспективу исхода: **когда исчезает возможность прямого воздействия на ситуацию, остаётся возможность воздействия косвенного.** В этой косвенности – родство политической магии и политического искусства.

Институт политической магии ставит своей задачей всестороннее изучение и освоение методов непрямого воздействия. Как и подобает ученикам чародеев, мы призваны выявить и высвободить магическую энергию, растворённую в актуальной политике, и наоборот – акцентировать и развить политическое содержание традиционных и нетрадиционных магических практик. Сегодня в нашем политическом воображаемом магия обычно ассоциируется с реакцией и право-консервативным мракобесием (боевая экстрасенсорика росгвардии, ведьмы за путина и т.п.), тогда как «левая» магия остаётся в тени, точнее в глубочайшем подполье (кажется, о самой её возможности все забыли). Мы же намерены **исследовать и актуализировать революционно-освободительный потенциал магического – критические аспекты магии и магические аспекты критики** (да, магия должна быть критической, и наоборот). Магия – не только интегральный элемент спектакля / империи, но и средство их разрушения.

НИМА!

Institute of Political Magic Interim Report

The idea of creating an Institute of Political Magic was in the air for a while, but we only undertook our first concrete steps in that direction in late spring 2019. On May 27th, I proposed to my colleagues from the course on the post-Soviet that we form a group of that name. A few days later, we gathered to hash out the details after Oxana Timofeeva's lecture on comradeship and (by a funny coincidence, as we had no advance notice of this) the lecture ended up being mostly about magic—about revolutions as “miracles” and Lenin as a witch. Our first action was to compose a Manifesto in order to establish the Institute:

Manifesto

“In times of crisis, when time's joints get turned inside out, political magic becomes relevant: politics becomes magical, and magic, political. This is a sign of helplessness and desperation: when you can't change anything, all you can do is conjure. But, inasmuch as magic is ambivalent, this same desperation illuminates the vague contours of an escape plan, as well: when the possibility of directly influencing the situation disappears, we are left with the possibility of influencing it indirectly. This indirectness is the source of continuity between political magic and political art.

“The Institute of Political Magic is committed to the thorough study and mastery of methods of indirect influence. As befits the students of magicians, we are called to reveal and release the magical energy dissolved in politics relevant for today, and vice versa—emphasize and expand on the political element of traditional and nontraditional magical practices.

In our political imaginary today, magic is usually associated with reaction and right-wing obscurantism (the National Guard's combat ESP, witches for Putin, etc.), while “left” magic is overshadowed, or, more likely, deep underground (it seems like no one even remembers that it is possible). But we intend to study and make relevant the revolutionary, liberatory potential of the magical—the critical aspects of magic and the magical aspects of critique (yes, magic should be critical, and vice versa). Magic is not merely an integral element of the spectacle/empire, it is a means to dismantle them.

Nema!

Институт политической магии связан с курсами о постсоветском сложной системой включающих-исключающих рамок – он то ли входит, то ли не входит в «Перепостсовет». Тогда же, в ночь с 14 на 15 июня состоялась и презентация подразделения Института – Отдела изучения проблем личной и политической магии, основанного Василиной Кошалиной. Это феминистское крыло Института, делающее акцент на пересечении личного

и политического через призму тех практик, которые традиционно считаются «женскими». Ведущей темой Отдела стало «рукоделие из ничего» (представляющее собой альтернативу патриархально-монотеистическому «творению из ничего»). Презентация также сопровождалась кулинарно-магической акцией – Василина накормила всех ананасами, сделанными из кабачков. К презентации был составлен также следующий текст:

Институт политической магии Отдел изучения проблем личной и политической магии

Основная задача нашего института – исследование, поиск и сбор разрушительной и освободительной энергии революции. Одной из основных категорий для нас является понятие о биополитическом поле, присутствующем каждому человеку. Иными словами, представление о неразрывной связи каждого субъекта (каждой индивидуальной личности) с политическим.

На данный момент мы работаем над изучением перестроечного периода СССР и раннего постсоветского периода России и бывших союзных республик. Такие переходные периоды, периоды политической перемен (возможной или состоявшейся) имеют для нас особый интерес, так как всегда сопряжены с неким разрывом ткани повседневности, укрывающей в другое время людей от потоков революционной энергии (т. е. как положительно, так и отрицательно заряженных частиц в разном соотношении).

Перестройку в СССР можно оценивать по-разному: как прогрессивный переход к «нормальной» (т. е. западной) общественно-политической системе или как консервативный поворот, однако некий всплеск революционной энергии в эти годы несомненно имел место. Стрелки могли бы быть переведены, и поезд истории мог бы поехать по иному пути (ведь сердца действительно требовали перемен). Однако по признанию некоторых пассажиров, они слишком боялись пожара, могущего возникнуть вследствие перевода стрелок (ведь механизм не использовался достаточно давно). Некоторые пассажиры открыто признавались, что по большому счету им было страшно что-то менять.

Но для нас главное здесь – сам энергетический всплеск, сама потенциальная возможность (в этой связи интересно высказывание Жижек о том, что выборы Трампа могли бы дать левым больше, чем выборы Хиллари Клинтон, потому что выборы Трампа являются разрывом ткани, а значит открывают возможности для накопления революционной энергии).

На определённом этапе работы в нашем институте был открыт специальный отдел изучения проблем связи личной и политической магии. Эта связь кажется нам неразрывной, а проблематика – весьма актуальной, ввиду того, что существующая система по каким-то причинам стремится всеми силами отделить эти сферы друг от друга.

Наш отдел выдвигает тезис о том, что наиболее чувствительными к потокам революционной энергии оказываются женщины. Именно этим объясняется настойчивое стремление мужчин ограничить доступ женщин к политической жизни (при помощи огня в средние века или внедрения определенных представлений о женственности, «женской роли» и «предназначении» в наши дни).

Однако даже вдалеке от больших политических решений, женщины продолжали свои магические акты. В распоряжение нашего отдела попал уникальный артефакт: книга магических обрядов, способных изменять порядок вещей в повседневной жизни, созданная тремя женщинами (Л.В. Шагаровой, М. Губской, Т. Колчевой) и изданная в 1993 году в Самаре. Книга носит характерное название: «Или мы не женщины». Все описанные там обряды работают и сегодня. Однако каким образом? Несмотря на то, что в книге нет ни слова о политике, мы считаем, что описанные там практики могут обладать революционным потенциалом.

В рамках отдела мы открываем также лабораторию рукоделия из ничего. Приглашаем заинтересованных персон принять участие в лаборатории.

Василина Кошалина / Институт политической магии
Максим Евстропов / Институт политической магии

The Institute of Political Magic is connected to the post-Soviet course by a complex system of Venn diagrams—it may or may not be a part of the “Repost-Soviet.” At that event, on the night of June 14th, we also presented a subdivision of the Institute—the Department for the Study of Problems of Personal and Political Magic, founded by Vasilina Koshalina. This is the Institute’s feminist wing, which emphasizes the intersection of the personal and the political through the lens of practices that are traditionally coded as “feminine.” “Crafts out of nothing” (which is an alternative to the patriarchal/monotheist “creation out of nothing”) provided the Department’s leitmotif. The presentation was also accompanied by a culinary/magical intervention—Vasilina fed everyone with pineapples made out of zucchinis. The following text was composed for the presentation:

The Institute of Political Magic The Department for the Study of Problems of Personal and Political Magic

Our institute’s mission is to seek out, study, and harvest the destructive and liberatory energy of the revolution. One of the main categories we use is the concept of biopolitical sex, with which every person is endowed, or, in other words, the concept of the inherent connection between each subject (each individual person) and the political.

At present, we are working on studying the perestroika period in the USSR and the early post-Soviet period in Russia and the former Soviet republics. Such transitional periods, periods of political change (potential or actual) are of particular interest to us because they always entail some kind of tear in the fabric of everyday life that once protected people from flows of revolutionary energy (i.e. of both positively and negatively charged particles in various proportions).

We can have different assessments of perestroika in the USSR—whether seeing it as a progressive transition to a “normal” (i.e. Western) socio-political system or a conservative revanche—but those years did undoubtedly see a kind of surge of revolutionary energy. The railroad switch could have been flipped and the train of history could have gone down a different track (since people’s hearts really did demand change). But, as several passengers confessed, they were too afraid of the fire that could be caused by flipping the switch (since the device hadn’t been used in a fairly long time). Some passengers frankly admitted that they were mainly afraid of changing something.

But, for us, the important thing here is the surge of energy itself, the potential possibility. (In this vein, we might recall Žižek’s statement about how the election of Trump could do more for the left than the election of Hillary Clinton, because Trump’s election would be a tear in the fabric, which means it would open up possibilities for the accumulation of revolutionary energy.)

At a certain stage in the institute’s work, we opened a special department for the study of the problems of the connection between personal and political magic. We believe that this connection is inherent and, given that the existing system for some reason fights tooth and nail to wall these spheres off from each other, these problems are highly urgent.

Our department argues that it is women who are most sensitive to flows of revolutionary energy. This is what explains men’s insistent attempts to restrict women’s access to political life (whether by fire in the Middle Ages or by introducing certain conceptions of femininity and “a woman’s role” and “purpose” today).

Women, however, continue their magic acts, even far away from big political decision-making. Our department has acquired a unique artefact: a book of magical rites capable of changing the order of things in everyday life, created by three women (L. Shagarova, M. Gubskaya, and T. Kolcheva) and published in Samara in 1993. The book has a typical title for its genre: “Or Else We’re Not Women.” All the rites described in it work today, too. But how do they work? Despite the fact that the book says not a word about politics, we believe that the practices described there may possess revolutionary potential.

As part of the department, we are also opening a laboratory for making crafts out of nothing. We invite all interested persons to participate in the laboratory.

Vasilina Koshalina / Institute of Political Magic
Max Evstropov / Institute of Political Magic

апология товарищества через травму пост-советского

Наш курс переквалификации школы вовлеченного искусства посвящен исследованиям территории постсоветского – территории, в которой пребывают современные художники и культурные работники. При этом постсоветское – это наше зыбкое не-время настоящего, которое даже определяет приходиться через прошлое, – как никогда ясно проявляет желание восполнить утрату этого – советского – прошлого.

Но трагедия постсоветского человека в том и состоит, что утрата эта в конечном счете восполнению не подлежит, ведь именно она и конституирует нас как субъектов. Поэтому она обречена на вечное бытие утратой, процесс конституирования – на бесконечность, а наша субъектность – на вечную ущербность.

Возможно, так происходит потому, что в современной индивидуалистической парадигме восполнение этого вечного недосубъекта замыкается на нем самом, в то время как для успеха должно случиться разъятие – обращение к другому. Это происходит, когда мы стремимся нащупать тонкую и эфемерную, но вместе с тем такую необходимую ткань товарищества. Занятие трудное, мучительное, требующее перенастройки всего чувственного и мироощущенческого аппарата даже для тех, кто застал советские времена, когда необходимость быть хорошим товарищем императивно диктовалась сверху (вступая, например, в октябрята, мы торжественно обещали перед своими товарищами не оставлять товарищей в беде), а не выстраивалась снизу, из внутренней потребности.

Так что не зря именно тема товарищества постоянно маячит перед студентами курса. Ведь искомым другим – это тот, кто изначально присутствует (иначе не существовало бы и нас), как и товарищ, который, в отличие от друга, никогда не является конкретным субъектом с индивидуальными чертами. Товарищ – это скорее функция, набор необходимых качеств, представление о которых всегда/уже существует в нашем сознании. Как у Фрейда человеческий субъект – это бог на протезах, так и постсоветский индивид вынужден постоянно дополнять себя костылями товарищества-с-другими. А значит, присутствие этого индивида – всегда где-то там, всегда отсрочено, и он обречен на вечную нехватку, а значит – на вечное стремление эту нехватку восполнить, на вечный отклик зову будущего. В конце концов, именно в поисках невозможного сообщества прошлого и воображаемого товарищества будущего мы все здесь и собрались.

НАТАЛЬЯ РЫБАЛКО

Илья Фирдман Геометрия товарищества

В физике существует два противоположных подхода к пониманию пространства. Классический, используемый в ньютоновской физике (но восходящий в древности) представляет пространство как некоторую статичную шахматную доску, заполняемую передвигающимися между ее точками по определенным правилам объектами. Современный подход, еще не раскрывшийся до конца, вдохновляется теорией относительности Эйнштейна и представляет пространство как совокупность отношений существующих во Вселенной объектов – способ описать их взаимную удаленность или гравитационное притяжение.

Телесные практики, связанные с товариществом – от объятий до стояния плечом к плечу или спиной к спине, – обладают этой постэйнштейновской способностью порождать свое собственное пространство отношений. Получившаяся конфигурация может быть выплеснута во внешнее пространство, классическое и отчужденное, проверяющее получившиеся отношения на прочность. Попробуем проанализировать отношения товарищества, рассматривая некоторые из характерных конфигураций. Как нам нужно выстроить пространство для того, чтобы эмансипировать его?

Если разомкнуть рукопожатие или объятие двух людей и поставить их спиной к спине, эта конфигурация может расширяться, но лишь до определенного предела. Трое стоящих спинами людей могут образовать равносторонний треугольник, четверо – ромб, в котором все еще сохраняется равенство, но пятого человека в такую систему добавить невозможно – геометрия евклидовой плоскости такова, что равенство отношений при этом заведомо будет нарушено. Нам будут более интересны формы товарищества, которые можно масштабировать.

Наиболее естественно приходящая в голову масштабная равноправная конфигурация – это круг. Обсуждение за круглым столом, ритуальный круг коренных американцев (пау-вау), хоровод. Спасательный круг. В кругу можно стоять спиной к центру, защищая его, или лицом к центру – наблюдая его либо желая его изменить. Одно очевидно – у круга есть центр.

В качестве характерного конкретного примера можно проанализировать Большое Белое Кольцо – наиболее концептуальную акцию российских протестов 2011-12 годов. Люди стоят вдоль Садового кольца, держась за руки. Их взгляды направлены вдаль к Кремлю. Ненависть к этому центру объединяет людей несхожих политических взглядов – либералов, левых, нацистов, – и их оказывается достаточно для того, чтобы круг замкнулся. И, конечно же, Центру оказывается легко разорвать цепочку этого тактического товарищества – сначала она прорежется выученной беспомощностью Болотного дела, а затем Крымом разрывается пополам.

Еще одно свойство круга, о котором нужно упомянуть – его динамика, способность стягиваться к центру в ответ на предпринимаемое отсюда противодействие. Так этим летом круг переносится уже на Бульварное кольцо и встречается с обращенной навстречу ему цепочкой ОМОНа и Росгвардии.

Как убрать из круга его центр, сохранив при этом симметрию равноправия? Разомкнуть круг, направив один из его концов в центр, а другой – наружу. Получается спираль. Та самая, по которой, согласно сапатистской мифологии нужно ходить внутри своего сердца (которое есть знание), а затем наружу в мир (который есть жизнь). В спираль закручен панцирь улитки. Территориальное образование сапатистов так и называется улиткой (caracol). Вместо того, чтобы стягиваться к центру, улитки распространяются в пространстве – с 2003 года их было пять, а этим летом появилось семь новых.

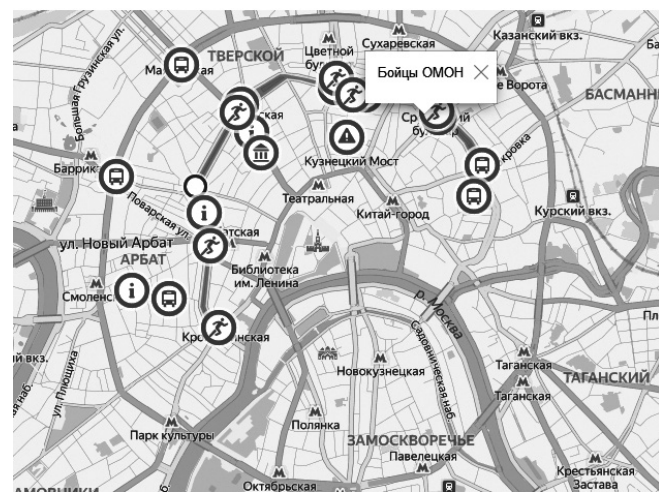
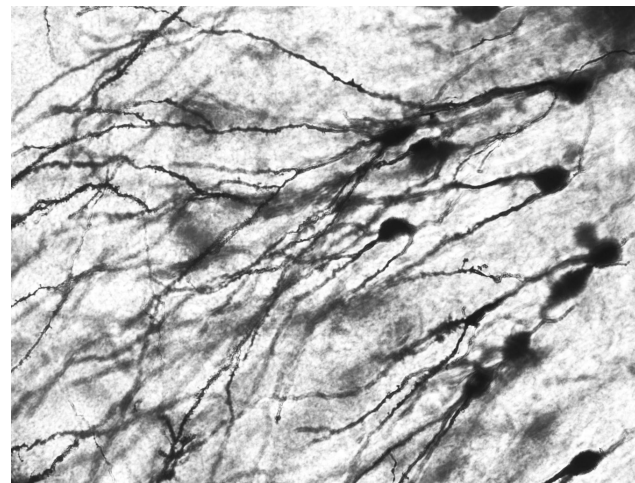
Другой вид движения спирали – перпендикулярно своей плоскости, во временной оси. Так мы получаем винтовую линию ДНК, связывающую прошлое и будущее в единое целое. Цитируя Троцкого, «партия это память рабочего класса». Каким образом можно масштабировать спираль? Начнем с еще одной естественной спиральной ассоциации – формы галактик. Галактика является старым, ламповым символом возможного товарищества с другим, нечеловеческим, поиска братьев по разуму. Современный нам постгуманизм, в особенности феминистский, отодвигает этот символ на периферию – наши братья не обязаны обладать разумом (экофеминизм), они даже не обязаны быть органическими (объектно-ориентированные онтологии), или же они могут обладать разумом, но быть неорганическими (киберфеминизм). Но спираль галактики все же символизирует начало этого движения.

Если задать вопрос, как галактики распределяются в пространстве Вселенной, астрономические наблюдения показывают, что они собраны в скопления, скопления галактик собраны в так называемые сверхскопления, и наконец сверхскопления галактик собраны в сверхсверхскопления, которые называются еще галактическими нитями или стенами. Это самая крупная по масштабу звездная структура. По внешнему виду она удивительно напоминает нейронную сеть. Так мы приходим еще к одной возможной конфигурации товарищества – сетевой.

Достоинства сети как структуры товарищеской организации в высшей степени проявились во время мировых протестов 2011-12 годов, частью которых было московское Белое Кольцо. Одновременное распространение информации во все стороны и возможность мгновенной мобилизации, отсутствие лидеров и, как следствие, невозможность подавить протест их изоляцией.

Но протесты 2011-12 годов проиграла. И сейчас в числе первых ассоциаций, которые вызывает сеть – тролли, фейковые новости, альт-райты... Сеть оказалась слишком универсальной и мягкой структурой – с одной стороны, пригодной для не-товарищеских форм взаимодействия, с другой стороны, подверженной взлому и размытию, когда в ней происходит общение между товарищами.

Какая же структура все-таки позволит нам эмансипировать пространство? Ответа пока нет. В качестве еще одной наметки, последней в этой статье, можно вспомнить, что мозг улитки не сосредоточен целиком в ее голове, как единая нейронная сеть, а распределен по телу, собираясь в нем в несколько узлов.

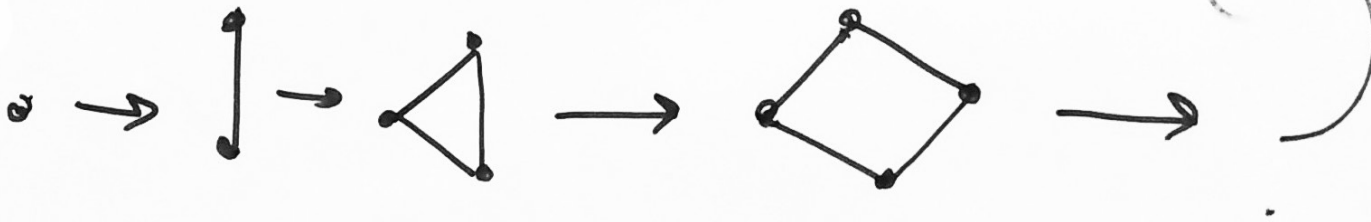

Ilya Firdman

The Geometry of Comradeship

У НАС ЕСТЬ КАКОУ-ТО ПЛАН

WE DO HAVE SOME KIND OF PLAN

In physics, there are two opposing approaches to understanding space. The classical approach used in Newtonian physics (but which dates back to antiquity) imagines space as a kind of static chessboard, filled with objects that move between its points according to set rules. The contemporary approach, which still has not been fully explored, is inspired by Einstein's theory of relativity and imagines space as the sum of the relationships between objects in the universe—a way to describe their mutual distance or gravitational attraction.

Embodied practices related to comradeship—from embraces to standing shoulder to shoulder or back to back—possess this post-Einsteinian ability to generate their own space of relationships. The resulting configuration can be released into an external space, classical and alienated, that tests the resulting relationships for robustness. Let us try to analyze relationships of comradeship, looking at several characteristic configurations. How would we need to structure a space in order to emancipate it?

If we open up two people's handshake or embrace and place them back to back, this configuration can be expanded, but only up to a certain limit. Three people standing back to back can form an equilateral triangle; four, a rhombus that still preserves their equality; but it is impossible to add a fifth person to such a system—Euclidean plane geometry is such that the equality of their relationships will necessarily be violated. We are more interested in forms of comradeship that can be scaled.

The large-scale, equitable configuration that most naturally comes to mind is a circle: round-table discussions, Native American pow wows, Slavic circle dancing (horovod). A life preserver. You can stand with your back to the center of a circle, defending it, or facing the center—observing it or wishing to change it. One thing is obvious—the circle has a center.

We can take the Large White Ring as a concrete, representative example. In this, the most conceptual action of the 2011–12 Russian protests, people stood along the Garden Ring in Moscow, holding hands. Their gazes were directed toward the Kremlin in the distance. Hatred toward this center brought together people of disparate political views—liberals, leftists, nazis—and there turned out to be

enough of them to make a full circle. And, of course, it turned out to be easy for the Center to break the chain of this tactical comradeship—first they cut through it with the learned helplessness of the Bolotnaya Case, then they tore in half with Crimea.

Another property of a circle worth mentioning is its dynamics, its ability to converge on the center in response to the center's attempted resistance. Thus, this summer, the circle moved inward to the Boulevard Ring and encountered a chain of riot police and the National Guard ready to meet it.

How can you remove the center from the circle and still preserve its symmetry of parity? By opening the circle, pointing one of its ends towards the center and the other outwards. That makes a spiral. The same kind of spiral that Zapatista mythology says you must walk along, into your heart (which is knowledge), and then outside into the world (which is life). The snail's shell is rolled into a spiral. That's what the Zapatistas' territorial formations are called—snails (caracoles). Instead of converging on the center, snails spread out in space—ever since 2003, there had been five of them, but this summer seven new ones appeared.

Another kind of spiral motion is motion perpendicular to a plane, along the arrow of time. This gives us the helix line of DNA that ties past and future in a single whole. To quote Trotsky, "the party is the working class' memory."

How can we scale a spiral? Let's start with another natural spiral association—the shape of galaxies. A galaxy is a feel-good old symbol of potential comradeship with the other, the non-human, of the search for fellow rational beings. Contemporary posthumanism, especially in its feminist variety, moves this symbol to the margins—our fellows need not necessarily possess reason (ecofeminism), they need not even be organic (object-oriented ontology), or they could possess reason, but be inorganic (cyberfeminism). But the spiral of the galaxy nonetheless symbolizes the beginning of this movement.

Ask how galaxies are distributed in the space of the universe, and astronomical observations will show you that they are gathered in clusters, clusters of galaxies are gathered into what are called superclusters, and, finally, superclusters of galaxies are gathered into supercluster complexes, also known as galaxy filaments or walls. These are the largest stellar structures. Amazingly, they visually resemble a neural network. And so we arrive at one more potential comradeship configuration—the network.

The advantages of a network as a structure for comradesly organization were seen in protests across the world in 2011–12, of which the Moscow White Ring was a part: simultaneous sharing of information all around and the possibility of instant mobilization, as well as the lack of leaders that made it impossible to suppress the protest by isolating them.

But the protests of 2011–12 failed. Now the first things we associate with a network are trolls, fake news, and the alt-right... The network turned out to be too universal and pliant of a structure—on the one hand, suitable for uncomradely modes of interaction, and on the other, susceptible to hacking and blurring when used for intercomradely communication.

So what structure will let us emancipate space? We have no answer yet.

To add one last teaser to this essay, we can recall that the brain of a snail is not concentrated entirely in its head, as a single neural network, but distributed throughout the body and gathered into several nodes.

an apologetics
for comrade-ship
through the post-
soviet trauma

The post-Soviet laboratory of relearning - course at the Chto Delat School of Engaged Art has dedicated itself to studying the territory of the post-Soviet—the territory where contemporary artists and cultural workers now reside. Here, the post-Soviet—our elusive untimely of a present that can't even be defined without recourse to the past—shows more clearly than ever the desire to make up for the loss of that, Soviet, past.

But the tragedy of post-Soviet people is precisely that this loss is ultimately irreparable, for it is this loss that constitutes us as subjects, which is why it is condemned to exist as an always-lost, the process of constitution, to take forever, and our subjectivity, to be eternally lacking. Perhaps this is the case because, in the contemporary paradigm of the dominance of the principle of individualism, the fulfillment of this eternal not-quite-subject closes back in on him even as his success demands opening up, turning to the other, which is what happens when we strive to touch the fine and ephemeral, and yet so indispensable, fabric of comradeship. This task is difficult, torturous, and demands a reconfiguration of the sensual and microsensory systems even from those who caught the tail end of the Soviet period, when the requirement of being a good comrade was mandated from above (for example, joining the Little Octobrists, we vowed before our comrades that we would not let anything happen to our comrades), as opposed to being organized from below out of an internal sense of necessity.

So it is not for nothing that the theme of comradeship looms on the horizon of the students in the post-Soviet studies course. For the sought-for other is the one who is inherently already present (otherwise there would be no "us," either), just like the comrade, who, unlike the friend, is never a concrete subject with individual features. Rather, the comrade is a function, a set of necessary qualities whose image is always already present in our consciousness. Much as, for Freud, a human subject is a prosthetic God, so the post-Soviet individual is forced to constantly supplement themselves using the crutches of comradeship-with-others. That means that this individual's presence is always somewhere out there, always postponed, and they are condemned to eternal lack, and so to an eternal striving to fill this lack and an eternal response to the call of the future.

After all, it is precisely that search for the impossible community of the past and the imagined comradeship of the future that has brought us all together here.

**NATALYA
RYBALKO**

Анна Аверьянова / Ворота бинарности, Мурзилка 93

В качестве предисловия я хочу предупредить о том, что текст будет содержать множество отсылок, часть из которых – мои методологические разработки, как свободной исследовательницы, инженерки, художницы. Картина мира собирается в соавторстве с другими производителями знания. Это чаще всего микро-диалоги, реакции на сториз, переписки в мессенджерах, брошенные фразы на вечеринках, короткие диалоги в рамках лекций, пометки, которые я делаю, прослушивая лекции с ютьюба. Или это возникшие из опыта, практические наработки – аффективная теория актуальных проектов, – проброшенная в будущее или установленная с помощью рефлексии. Например, Самоорганизация ДК Розы, постсоветские исследования товарищества с тьюторской группой Что Делать, исследования в ни и чего делать.

Где искать вход в товарищество? Какие примеры современного товарищества мы находим? Можно предположить, что залог товарищества – общая идея. Перечислить варианты, где общая составляющая – это аффект. Товарищи по несчастью – то, как сейчас формируется коллективность. Можно заподозрить чувство товарищества среди ростовардейцев, полиции. Похоже, произошло слияние понятий советского товарищества и стремления к чувству социальной принадлежности, присущему каждому человеку. Но все эти основания, включая равенство, также могут постулироваться в фашистских режимах. Позитивное или основанное на сентиментальном постсоветском шлейфе товарищество может обернуться легализованным системным насилием.

Современные товарищи находятся в критической позиции по отношению к социализации, гражданскому положению, положению по отношению к власти. Основа товарищества – эмансипаторность. В том числе освобождение через радикальное воображение, предполагающее бинарные пары, мы находим, какие группы или практики соответствуют категории товарищества. Кто эмансипируется и самоорганизуется? Например, квир практики проскальзывают между полюсами мужского и женского, а практикующие прокрастинацию – находят себя между выполнением задачи и ленью, гниением. Очень надеюсь, что мы не стремимся к успеху – грандиозности – и не падаем в пропасть ничтожности.

У нас не получается фиксировать зоны товарищества, но мы видим товарища в другом. Не через розовые очки содействия или мобилизации, коллегиальности, а через очки чертовщины, эмансипаторной позиции. То есть через удержание полюсов бинарности: рога у черта и его тонкий ослиный хвостик – интерфейс солидарности.

В процессе наших постсоветских исследований товарищества в Школе Вовлеченного Искусства я наткнулась на архив журнала Мурзилка. Образ главного персонажа – мутировавший из желтой дворняжки персонаж с беретом и шарфом. Первый номер вышел в 1924 году, и до 1991 года журнал был печатным органом ЦК ВЛКСМ. Редакторское резюме журнала гласило: «МУРЗИЛКА» отразит в себе и ребячье житье-бытье, и природу. «МУРЗИЛКА» покажет, как ребята должны работать сообща, чтобы им весело было от работы». В ходе лаборатории я открыла издание 93 года и узнала/вспомнила комикс, который аффектировал меня девятилетнюю, а особенно – поведение злой волшебницы Ябиды Корябеды. Интересно, что он отразил мой алгоритм товарищества, товарищескую практику, как я ее вижу сейчас.

Попробуем проанализировать, что же происходит на картинках:

- 1. Аффект.** Ябеда Корябеда захвачена любопытством и ревностью к партнерскому проекту. Ябеда – та, кто выносит тайные практики в поле товарищеского суда. Ябеда-корябеда, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест! Исключенная, не принятый коллективом индивид. Хулиганство, пограничная и подрывающая практика. Занимается созданием горизонтальных трудностей, которые в товариществе очень важны. Выбирая товарищество, а не сотрудничество или коллективность, ты попадаешь в ситуацию, когда своим даром усложняешь окружающим интимное существование.
- 2. Решает присоединиться через силы стихий.**
- 3. Мир объектов заполняет все поле восприятия, вызывая тревогу. Пространство меняется и заполняется нечеловеческой агентностью.**
- 4. Ее аффект с полюса ничтожности перемещается к полюсу грандиозности.** Такая динамика свойственна индивидам с пограничной организацией. Тем, кто находится за пределами социального, и в то же время взаимодействует с ним.
- 5. Пространство изменилось.** Благодаря трудностям, которые с радостью предлагает Ябеда, приходят новые возможности и потенциал для смещения взгляда на мир вещей.

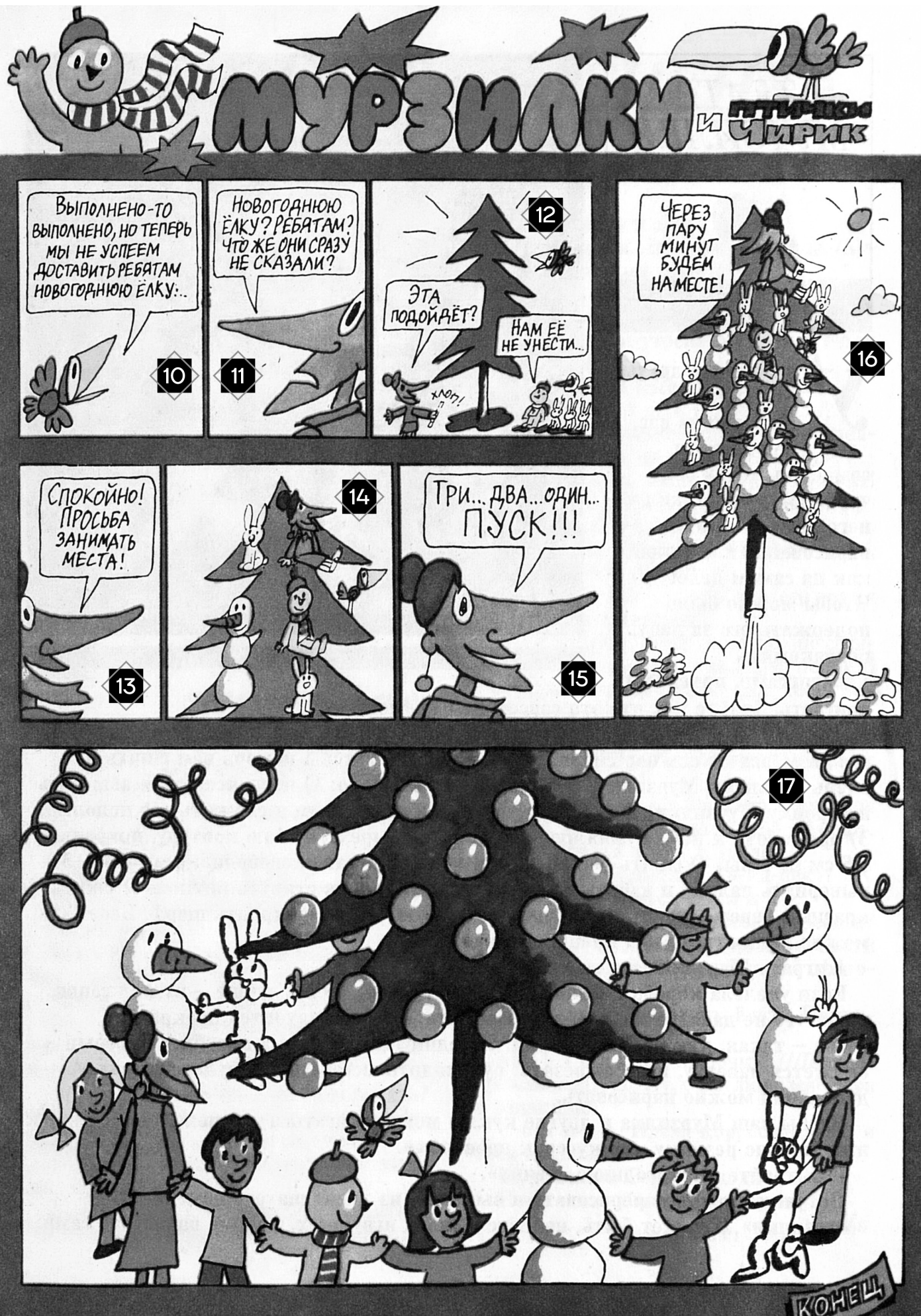
- 6. Призыв к товарищеской мобилизации.** Коллектив расширяется для адаптации и нечеловеческого партнерства.
- 7. Практики разделенного между всеми желания приходят на помощь.**
- 8. В процессе работы собираются новые товарищи.** Как мы выяснили – из разделенного желания и нечеловеческой агентности, сшиваемые аффектом пограничного персонажа. Нечеловеческое проявляется как действующее, в свете экологической катастрофы – конца света – они превращаются в помощников и товарищей.
- 9. Возникает нулевой уровень товарищества, когда можно начать все заново. Мобилизация, равенство.**
- 10. Появляется критика практик идентичности и мобилизации.**
- 11. Выявлена проблема коллективной коммуникации, общая задача уточняется. Инсайт, прояснение общей задачи, движение к событию.**

- 12. Принятие слабости, состояние товарищеской фрустрации.**
- 13. Зло проявляет товарищескую поддержку, товарищеский дар.**
- 14. Ассамбляж.** Спасает ощущение своего места в товариществе. В дырах, на границах реального.
- 15. Устанавливается время товарищества, обратный отсчет, магия дедлайна.**
- 16. Запуск экосексуального проекта – ёлка остается нетронутой и гостеприимной.** Транс-локальные практики сообщества связаны с новыми ресурсами, которые раньше невозможно было вообразить.
- 17. Мы видим хоровод – организующее всех событие, – но не видим старых оснований, земля отсутствует.** Здесь предложено задуматься над новой эпистемологией: на что намекают многозначительные взгляды в нашу сторону танцующих товарищей? Что же с землей? Почему ее нет в левом дискурсе и как мы можем переписать это понятие?

Anna Averyanova / The Gates of Binarity, Murzilka '93

As an introduction, I want to warn you that this text will contain a multitude of references, some of which are my own methodological developments as an independent researcher, engineer, and artist. My picture of the world is gathered in co-authorship with other knowledge producers. This most often takes the form of micro-dialogues, reactions to social media stories, exchanges on messaging apps, phrases thrown out at parties, short dialogues during lectures, and the notes that I take listening to lectures on YouTube. Or they could be practical developments based on experience—an affective theory of pressing projects—cast into the future or established through reflection: for example, the Rosa's House of Culture Self-Organization Group, post-Soviet studies of comradeship with the Chto Delat tutor collective, or research with the SRI for Doing Nothing.

Let's attempt to analyze what is going on in the pictures:

1. Affect. Yabida Koryabeda is seized by curiosity and jealousy towards this partnerly project. Yabeda is the figure who begets secret practices in the field of the comrade's court. An excluded individual, not accepted by the collective. Disorderly conduct, a liminal and subversive practice. She creates the kind of horizontal difficulties that are very important in comradeship. Choosing comradeship instead of collaboration or collectivity, you end up in a situation where your gifts make intimate existence harder for those around you.
2. She decides to join in through the power of the elements.
3. The world of objects fills their whole field of perception, causing alarm. The space changes and fills with non-human agency.
4. Her affect moves from the pole of nothingness to the pole of grandeur. This dynamic is characteristic of individuals with borderline organization, of those who are outside the bounds of the social and yet interact with it.
5. The space has changed. Thanks to the difficulties that Yabeda is glad to offer, new possibilities and the potential for the perspective to shift to the world of things appear.

6. A call for comradesly mobilization. The collective expands for the sake of adaptation and non-human partnership.
7. Practices of everyone's shared desire come to their aid.
8. As they work, they gather new comrades. As we figured out, they are drawn by shared desires and non-human agency sewn together with the affect of a borderline character. The non-human appears as an actor; in light of an environmental disaster—the end of the world—they turn into helpers and comrades.
9. The zero-level of comradeship arises, where everything can be started afresh. Mobilization, equality.
10. A critique of practices of identity and mobilization appears.
11. They discover a problem of collective communication and clarify their common task. Insight, shedding light on the common task, moving towards the event.
12. Acceptance of weakness, a state of comradesly frustration.

Where should we look for the entrance into comradeship? What examples of contemporary comradeship do we find?

We could propose that the guarantee of comradeship is a common ideal. List of possibilities where the thing in common is an affect. Comrades in misfortune is how collectivity is formed now. We can suspect a sense of comradeship among National Guard soldiers, among the police. It seems like the concepts of Soviet comradeship and the pursuit of a feeling of social belonging have gotten stuck together. But all these bases, including equality, can also be postulated under fascist regimes. A comradeship that is positive or based in the sentimental post-Soviet wake can turn into legalized systemic violence.

Today's comrades are in a critical position vis-a-vis socialization, civil status, and relationship to power. The basis of comradeship is emancipatoriness, including the liberation through radical imagination that involves passing through the gates of binarity. Holding back the binary pairs, we discover which groups and practices correspond to the category of comradeship. Who emancipates themselves and who organizes themselves? For example, queer practices slip between the poles of masculine and feminine, while those who practice procrastination find themselves in between the carrying-out of a task and laziness and decay. I hope that we aren't striving for success—for grandeur—and aren't falling into the abyss of nothingness.

We're having trouble defining the comrade zone, but we see the comrade in the other. Not through the rose-tinted glasses of assisting or mobilizing them, or through collegiality, but through the glasses of devilry, of an emancipatory position. That is, through holding back the poles of binarity: the devil's horns and his little donkey tail are our interface for solidarity.

During our post-Soviet research into comradeship at the School of Engaged Art, I came across a collection of back issues of the illustrated children's magazine Murzilka. The protagonist is a character with a beret and scarf who mutated out of a yellow mutt. The first issue came out in 1924, and the magazine was the official publication of the All-Union Leninist Communist Youth League's Central Committee until 1991. The magazine's mission statement read: "Murzilka will reflect kids' life, as well as nature. Murzilka shows how kids should work together so that they have fun working." During the laboratory, I opened a '93 issue and recognized/remembered a comic that had affected me as a 9-year-old—in particular, I remembered the way the evil witch Yabida Koryabeda behaved. It's interesting that it reflected my algorithm of comradeship and comradesly practice as I see it now.

13. Evil offers comradesly support, a comradesly gift.
14. Assemblage. Saved by the sense of one's place in the comradeship. In holes, on the borders of the real.
15. The time of comradeship is specified, counting backwards, the magic of the deadline.
16. The launch of the ecosexual project—the Christmas tree remains pristine and hospitable. Trans-local practices of community are connected to new resources that were impossible to imagine before.
17. Here we see a circle dance—an event that organizes everyone—but we don't see its old foundation, the earth is absent. The comic asks us to think about a new epistemology: what are the dancing comrades' meaningful looks at us implying? What's up with the earth? Why is it missing from left-wing discourse and how can we reappropriate this concept?

Анастасия Вепрева Постсоветское Красное Знамя The Post-Soviet Red Banner Anastasia Vepрева

Фабрика «Красное Знамя», расположенная на Петроградской стороне, была районообразующим предприятием, а также одним из нескольких крупнейших производств советской легкой промышленности. В 1980-е годы на ней работало 11-12 тысяч человек, в то время как число работников других предприятий редко превышало 3 тысячи. На фабрике функционировал полный цикл производства – от сырья до готовой трикотажной продукции. В конце десятилетия проводилась модернизация. Однако в 1990-е годы деятельность фабрики постепенно сошла на нет и тихо исчезла, словно её вовсе и не было.

Этот кейс побудил меня начать большое исследование в духе публичной истории («КО-ПАЙ, ГДЕ СТОИШЬ»), которое я и начала в 2018 году, разбив его на несколько этапов.

ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА я собирала те данные, до которых могла легко дотянуться. Оказалось, что материалов по нужному периоду практически нет, многое утрачено, что-то гуляет по интернету и с трудом поддается верификации. В условиях этого дефицита я решила зацепиться за связь ДК Розы – ДК Красное Знамя, расположенных рядом территориально, но разнесенных по времени, и поговорить о фигуре художника-любителя, художника выходного дня, чья фигура все время замыливается и кажется недостойной обсуждения. Я решила сделать реконструкцию одной любительской выставки ДК с поправкой на то, что её никогда не существовало, точнее я не смогла найти никаких документов на этот счет, что, конечно, не означало невозможность такой выставки в принципе. С другой стороны метод реконструкции позволил легитимировать любительское искусство как важное и достойное музейной экспозиции. Объекты и документы были исполнены как реплики к артефактам, найденным на просторах интернета. Выставка завершилась публикацией текста «Спекулятивная художественная самодеятельность», в котором я выступила в роли критика собственного проекта, где итак была одновременно художником и куратором (и зрителем заодно), тем самым доведя до абсурда специфику любительства (и прекарности), в котором один всегда делает все.

ВТОРОЙ ЭТАП стал возможен весной 2019 года. В этот момент ко мне подключились два историка – Марина Зубкова и Василий Боровой, с которыми мы вместе поставили исследовательские задачи, которые позволили ближе подойти к постсоветской истории фабрики и разобраться, что же произошло в это время. Стало ли закрытие фабрики частью общего глобального кризиса легкой промышленности, было ли это фатальным проигрышем советской модной индустрии, или же вообще тихая гибель фабрики была обусловлена её «женской» гендерной спецификой? Вместе нам удалось по крупицам найти продукцию фабрики и изучить большой архив фабричной газеты, которая неожиданно оказалась очень интересной – в конце 80-х и начале 90-х гг. в ней часто менялся редакционный совет и, соответственно, настроение текстов. Кроме того, в газете публиковались фотографии работниц и работников фабрики, из которых мы позже составили большую портретную инсталляцию. Здесь мы больше сосредоточились не на искусстве, а на производстве знания, поэтому сразу же встал вопрос, как сделать полученную информацию более доступной для зрителей. В результате появился отдельный сайт, на котором мы стали собирать материалы – лекции, экскурсии и прочие тексты, – которые бы позволили всем узнать немного больше о фабрике в постсоветское время.

ТРЕТИЙ ЭТАП начнется вскоре новым возвращением в область искусства. Я сконцентрируюсь на изучении выставочной истории фабрики, которая удивительным образом еще в нулевые стала привлекательной площадкой для совриска. А следующим шагом станет новое художественное осмысление всех накопленных данных – в первую очередь, как эксперимент и как вызов, попытка понять, можно ли высказываться дважды на одну и ту же тему, и насколько сильно будут отличаться эти высказывания.

THE RED BANNER FACTORY, situated on the Petrograd Side, was a plant that lay at the core of its neighborhood, as well as one of Soviet light industry's several largest production facilities. In the 1980s, it employed 11–12 thousand people at a time when most places rarely had more than 3 thousand. The factory hosted a complete production cycle, from raw materials to ready-to-wear knits and jerseys. By the end of the decade, it was being modernized. However, in the 1990s the factory's business gradually fizzled out and quietly disappeared, as if it had never existed.

This case prompted me to embark on a large research project in the spirit of public history (“DIG WHERE YOU STAND”), which I began in 2018, breaking it up into several stages. During the first preliminary stage, I gathered data that was readily available. It turned out that there were very few resources on the period of interest, a lot had been lost, and some things were floating around on the internet and hard to verify. Given this information deficit, I decided to zero in on the link between Rosa's House of Culture and the Red Banner House of Culture, geographically adjacent but temporally spread out, and talk about the figure of the amateur artist, the part-time artist, whose figure is always fading into cliché and seems not worth discussing. I decided to do a reconstruction of one amateur show at the House of Culture, adjusted for the fact that it never happened, or more precisely, I was unable to find any documents to that end, which, of course, does not mean that such a show was theoretically impossible. On the other hand, reconstruction as a method allowed me to legitimate amateur art as important and worthy of a museum exhibition. Objects and documents were rendered as responses to artefacts found on the vast expanse of the internet. The exhibition culminated in the publication of the text “Speculative Artistic Amateur/Self- Activity,” where I acted as a critic of my own project, in which I was already both the artist and the curator (and a viewer, too), thus taking the

unique character of amateurism (and precarity), where one person always does everything, to the point of absurdity.

The next stage became possible in the spring of 2019. It was then that I was joined by two historians, Marina Zubkova and Vasily Borovoy, and we set research goals together that would allow us to get closer to the post-Soviet history of the factory and figure out what had happened then—was the factory's closure part of the general global crisis of light industry; was it a fatal defeat of the Soviet fashion industry; or was the quiet death of the factory actually determined by its being coded as “feminine.” Together we were able to piece together a picture of the factory's output and analyze the large print run of the factory's newspaper, which unexpectedly turned out to be very interesting—in the late 80s and early 90s the makeup of its editorial board fluctuated and so, correspondingly, did the tone of the articles. The newspaper also published photographs of the women and men who worked at the factory, which we later used to make a large portrait installation. Here we focused less on art than on the production of knowledge, which is why we were immediately confronted with the question of how to make the information we collected more accessible to viewers. Out of this came the <https://krasnoeznamya.krapiva.org/> site, where we started to collect resources—lectures, guided tours, and other writings that would allow everyone to learn a little bit more about the factory in the post-Soviet period.

The third stage will soon begin with a new return to art, where I will focus on studying the exhibition history of the factory, which, remarkably, has been an attractive space for contemporary art since the 2000s. The next step will be a new artistic interpretation of all the data I have gathered, primarily as an experiment and as a challenge—is it possible to comment on the same subject twice, and how strongly will these comments differ?

НАТАЛЬЯ РЫБАЛКО

В то время, как у нас проводились занятия Лаборатории, посвященной практикам товарищества, я лежала в Городской психиатрической больнице № 7 им. академика И.П. Павлова. Так что эти практики мне

пришлось изучать именно там. Интересный вопрос – как возможно товарищество среди пациентов психиатрической лечебницы? Людей, которым самим нужны поддержка и опора. Как возможно товарищество – то есть, надежность, крепкое плечо – в ситуации нехватки и бессилия, в ситуации поломки и уязвимости? Хотя американская исследовательница Джоди Дин как раз и говорит о том, что именно на таком «нулевом уровне общения», как она это называет, и возникает со-общество с со-поддержкой и со-чувствием. Это как у Андрея Платонова в его романе «Чевенгур», где товарищи – это такие неимущие массы, у которых нет ничего, кроме друг друга. Т.е., прочие, другие. Те, кто откинут. Скрытые, невидимые. И все, что им остается у Платонова – отгонять друг от друга мух. Потому что в нашем бессилии мы все друг другу – товарищи.

Лягте, расслабьтесь, обнулите, станьте ноль-объектами, о которых грезили когда-то еще в до-постсоветском Ленинграде, перейдите на нулевой уровень товарищества, о котором нам говорят американские академики. Чтобы стать товарищами по безделью и по бессилью. В Городской психиатрической больнице № 7 им. академика И.П. Павлова помногу спят, вкусно едят, лежат в хвойных ваннах, загорают на лавочках, беседуют с терапевтами, играют в бадминтон и карты, рисуют, слушают музыку, читают, делают зарядку, ходят гулять на набережную и смотреть кино, пьют таблетки и... очень много плачут. Но и смеются тоже. Бездельники и слабаки. Слабаки и бездельники. Станьте товарищами по безделью и по бессилью. Потому что ноль – это и все, и ничто, бесконечная потенция и черная дыра, открытость бесконечному миру, в котором возможно чудо совпадения и узнавания, а значит – чудо товарищества. Обнажите свои нервы.

Практики товарищества в Городской психиатрической больнице №7 имени академика И.П. Павлова:

уточнить о самочувствии

угостить шоколадкой

посоветовать психотерапевта

дать салфетку вытереть слезы

пропустить перед собой в душевую

поделиться черешней

молча посидеть в обнимку

поддаться в карточной игре новичку

выручить с прокладками

подержать за руку на групповой терапии

выслушать историю о нелюбви матери и утешить

выслушать историю о домашнем насилии со стороны отца и утешить

выслушать историю о страхе во время обыска и утешить

выслушать историю о домашнем насилии со стороны мужа и утешить

выслушать историю о несчастной любви и утешить

выслушать историю о сексуальном насилии со стороны отчима и утешит

и утешить...

NATALYA RYBALKO

PRACTICES OF COMRADESHIP FROM THE IVAN PAVLOV MUNICIPAL PSYCHIATRIC HOSPITAL NO. 7:

- get details on how someone's doing
- share your candy
- recommend a psychotherapist
- give someone a tissue to dry their tears
- let someone take a shower first
- share your cherries
- sit hugging silently
- lose a card game to a beginner
- have an extra pad when someone needs it
- hold someone's hand at group therapy
- listen to someone's story about an unloving mother and console them
- listen to someone's story about their father's domestic violence and console them
- listen to someone's story about being afraid during a police raid and console them
- listen to someone's story about their husband's domestic violence and console them
- listen to someone's story about ill-fated love and console them
- listen to someone's story about sexual abuse by their stepdad and console them
- and console them

While our laboratory dedicated to the practices of comradeship was meeting, I was staying at the Ivan Pavlov Municipal Psychiatric Hospital No. 7. So, that's where I had to study those practices. Interesting question—how can there be comradeship between patients at a mental institution? between people who themselves need assistance and support? How is comradeship—that is, dependability, a shoulder to lean on—possible in a situation of lack and impotence, a situation of breakdown and vulnerability? Although, American political theorist Jodi Dean talks about just that, about how on the “zero-level of sociality,” as she calls it, a community with mutual support and empathy can arise. It's like in Andrei Platonov's novel *Chevengur*, where comrades are a kind of dispossessed mass of people that have nothing except for each other. That is, the others, the left-overs; the cast-out; the hidden and invisible. And, in Platonov's telling, the only thing they have left to do is shoo flies off of each other—because in our impotence, we are all each other's comrades.

Lie down, relax, zero yourself, become the zero-point objects that people dreamed of back in pre-post-Soviet Leningrad, enter the zero level of comradeship that American academics talk about in order to become comrades in idleness and impotence.

In the Ivan Pavlov Municipal Psychiatric Hospital No. 7, people sleep a lot, eat well, take pine baths, sunbathe on benches, chat with therapists, play badminton and cards, draw, listen to music, read, do exercises, take walks along the river and go to the movies, take medicine and... cry a whole lot. But they laugh, too. Slackers and wimps. Wimps and slackers. Become comrades in idleness and impotence—because zero is both everything and nothing, an infinite possibility and a black hole, an opening yourself up to an infinite world where the miracles of coincidence and recognition are possible, which means that the miracle of comradeship is, too. Expose your nerves.

Добро Пожаловать В Кукольный Дом!

Упражнение Подружка

Женская Генеалогия

Для Женских Дуэтов важна генеалогия, вбирающая не только имена и теории, что по эпистемологическим причинам формулируют и провозглашают знание страстным голосом, вдыхающим в нас жизнь, но и генеалогия весьма различающихся женских практик (возможно, отделённых от их носительниц, имеющих самостоятельное материальное значение).

Генеалогия, позволяющая узнавать и вписывать туда, где «*мужчины не слышат, как говорят одно и то же*» (Люс Иригарей), а «*Отцы облизывают леденцы в форме Отцов*» (Недоброжелательница), все расстраивающие, смущающие, смешивающие, расширяющие, соблазняющие, перевыкрадывающие виды стремящихся поразить как бессмыслица и одновременно столь прагматичных сплетений.

Удовольствие Принцеста

«Чем больше я даю, тем больше остаётся», — утверждает Джульетта.

Женский Дуэт дан нам в собственной практике как форма удовольственного обмена между нами, наводнённого половодьем аффектов и интенсивностями.

Возмутительные удовольствия, возмутительные кукольные ценности: сверкающее «*girlish*», что часто женщины отваживаются практиковать лишь сообщая или практиковать, скорее, как «*жизнь*», чем как «*искусство*», проводя не дружелюбную к ним самим дихотомическую черту.

Женские дуэты же утверждают: «*Без подружки ни в жизни, ни в искусстве!*». Как и множественные парные героини наших Игр: Стелла Дарвин и Гингема Хабермас, Мэрри и Мальвина, Сцилла Вирпул и Харибда Хёрши, Сильвия Вульф и Вирджиния Плат, Электра и Антигона, Прозерпина и Персефона, Дерзкая Девчонка и Маленькая Воровка.

Героини «Добро Пожаловать В Кукольный Дом!», как, возможно, и участницы других Женских Дуэтов, встречают друг друга в обмене через Принцест (термин Вирджинии Плат). Принцест — это и взаимное соблазнение, и мышление женских связей в пространстве телесной материальности и запрета на существование, флёр Фрейда и дискурсивный отказ от него, а также ироническая практическая форма освоения концепта «*New kin*» Донны Харауэй — подружка как новая специфическая беспричинная форма близости, притяжение не по крови, а по выбору.

Ужин-роман воспитания Сильвии Вульф и Вирджинии Плат. Воронеж, 1 сентября 2018, Вид экспозиции

Эффективность Конфигурации Удовольствия

Как пишет Донна Харауэй, «*женская культура — это сознательный продукт, произведённый механизмами создания притяжений*».

Упражнение Подружка — это упражнение в нюансированной коммуникации, тренировка внимания и восприимчивости, ловкости и тонкости аффективного сонастраивания, взаимное усиление.

Упражнение, которое обучает тому, как «*половодье индивидуального аффекта*» может помогать создавать политические плетения и связи через сознательную и сложно выстроенную работу с чувствованием, через развитие критической чувствительности к наслоениям, пересечениям, проблемным измерениям — всему, что формирует либидинальные и иные не универсальные позиции, из которых индивидуации и сборки действуют, мыслят, говорят, значат. Через развитие чувствительности к тому, какими ресурсами питаются символические позиции маскулинных влияний, чувствительности к тому, чего не хватает нам, что невидимо и активно вытесняемо, чувствительности к странному «*пространствам эмансипации, где никто ещё не был*» (Анна Родионова). Эта чуткость к сложности материи действия и значения всегда была знакома «*женскому народу*» (Элен Сиксу), но очень долго политической силой не считалась.

«Агентность из ярлычка» (Мадина Тлостанова)

Женский Дуэт «Добро Пожаловать В Кукольный Дом!» локализуется в двух городах: Киев и Санкт-Петербург. Генеалогия нашего Дуэта включает и другие пары городов:

Харьков и Воронеж, Керчь и Россошь, Москва и Кронштадт. Наше интенсивное воображение Процветания, как и наша чувствительность к отсутствиям, особенности нашего становления как деятельниц искусства связаны с особенностями контекста, именуемого постсоветским. К нему мы обращаемся как к тому, что формирует «*ситуационность нашего знания*» (Донна Харауэй): через возможности и ограничения, права и правила доступа, интерфейсы коммуникаций и их отсутствие, через необходимость быть вместе связанными материальностью метафоры и особенностями пространства.

Метафоры, что дарит тактические прелести агентности не только нам, но и тем, к кому обращено наше тактичное вглядывание в исследование: Цапле и Глюкле, Алле Митрофановой и Ирине Актугановой, Евгении Белорусец и Катерине Мищенко, Лизаветте Герман и Марии Ланько, Анне Аверьяновой и Наталье Данини, Жанне Долговой и Наде Синозерской, Ульяне Бычковой и Алине Клейтман, Лёле Нордик и Оле Шаповаловой, Мике Плутитцкой и Марине Винник, Марии Вильковской и Руфи Джентрбековой, Александре Портянниковой и Дарье Плоховой, Ульяне Бычковой и Саше Талавер, Анне Щербине и Валентине Петровой, Ладе Наконечной и Катерине Бадьяновой. И многим другим, тем, кому мы хотим предложить сплести сеть наших тактик и произвести онтологически нестабильное, но политически активное знание о самих себе через интервью-подслушивание и автоинтервью, взаимные задания по письму и чтению, разговор и чутьё; аффективное знание через симпозиум-упражнение, Политическую Грёзу и Праздник.

Коль скоро искусство, как писала Лора Маркс, — это не то, что подтверждает чувства, а создаёт их заново!

Welcome to the Dollhouse! Girlfriend Exercise

Women's Genealogy

Women's Duets need a genealogy that soaks up not only names and theories, which, for epistemological reasons, articulate and promulgate knowledge with a passionate voice that breathes life into us, but also a genealogy of highly disparate women's practices (possibly in isolation from their bearers, with their own material significance).

We need a genealogy that lets us recognize and inscribe all kinds of distressing, confusing, comingling, expanding, seducing, and reappropriative entanglements that strive to amaze through nonsensicality yet are simultaneously so practical into places where "men hear themselves speak the same" (Luce Irigaray), and "Fathers lick Father-shaped lollipops" (the Unkind One).

The Pleasure of the Princest

"The more I give to thee, the more I have," claims Juliette.

The Women's Duet is given to us in our own practice as a form of pleasure exchange between us, flooded by an overflow of affects and intensities. Scandalous pleasures, scandalous dollish values: this is the radiant Girlish, which women usually only muster the courage to practice in a group or are practice more as "life" than as "art," inscribing a dichotomy hostile to themselves.

Women's duets, on the contrary, declare: "No

life or art without a girlfriend!" So do the many paired heroines of our Games: Stella Darwin and Gingham Habermas, Marry and Malvina, Scylla Whirlpool and Charybdis Hershey, Sylvia Woolf and Virginia Plath, Elektra and Antigone, Proserpine and Persephone, the Impudent Girl and the Little Thief.

The heroines of Welcome to the Dollhouse, like, perhaps, members of other Women's Duets, meet each other in exchange through Princest (a term coined by Virginia Plath). Princest is both mutual seduction, and thinking women's ties in the space of embodied materiality and a prohibition on existence, Freud's veil and a discursive rejection of it, as well as an ironic practical form of appropriating Donna Haraway's concept of "new kin"—the girlfriend as a new specific causeless form of intimacy, attraction not according to blood but according to choice.

The Efficiency of the Configuration of Pleasure

As Donna Haraway writes, "women's culture" is consciously created by mechanisms inducing affinity."

Girlfriend Exercise is an exercise in nuanced communication, a training in attention and perceptiveness, the dexterity and subtlety of affective co-tuning and mutual amplification. It is an exercise that teaches us how the "overflow of individual affect" can help us to create political

braidings and ties through conscious and complexly structured work on feeling, through developing our sensitivity to strata, interweavings, flawed dimensions—everything that forms the libidinal and other non-universal positions that individuations and assemblages act, think, speak, and mean from; through developing sensitivity to which resources symbolic positions of masculine influences are fueled by, sensitivity to what is lacking, what is invisible and actively repressed, sensitivity to strange "spaces of emancipation where no one has been before" (Anna Rodionova). This attentiveness to the complexity of the stuff of doing and meaning was always known to the "female nation" (Hélène Cixous), but was long neglected as a political force.

"Making Agency out of a Label" (Madina Tlostanova)

The Welcome to the Dollhouse Women's Duet is localized in two cities: Kyiv and Saint Petersburg. The genealogy of our Duet includes other pairs of cities, as well:

Kharkiv and Voronezh, Kerch and Rossosh, Moscow and Kronstadt. Our intense imagining of Flourishing, as well as our sensitivity to absences, and the particularities of our development as women in the arts are tied to the specificities of a context known as the post-Soviet. We turn to it as the thing that shapes our "situated knowledges" (Donna Haraway): through possibilities and limitations, rights and rules of access, interfaces

of communication and their absence, through the need to be together tied by the materiality of metaphor and the specificities of space.

Metaphors grant the tactical amenities of agency not only to us, but also to those who we tactfully scrutinize in our research: Tsaplya and Gluklya, Alla Mitrofanova and Irina Aktuganova, Yevgenia Beloruset and Katerina Mishchenko, Lizaveta German and Maria Lanko, Anna Averyanova and Natalia Dagnini, Zhanna Dolgova and Nadja Sinozerskaya, Uliana Bychenkova and Alina Kleytman, Lölja Nordic and Olya Shapovalova, Mika Plutitskaya and Marina Vinnik, Maria Vilkovisky and Ruthie Jenrbekova, Alexandra Portyannikova and Daria Plokhova, Uliana Bychenkova and Sasha Talaver, Anna Shcherbyna and Valentina Petrova, Lada Nakonechna and Katerina Badyanova. They offer agency to many others, to all those who we want to invite to create unstable but politically active knowledge about themselves through interviews/eavesdroppings and self-interviews, reciprocal writing and reading assignments, conversation and intuition; as well as affective knowledge through symposia/exercises, a Political Daydream, and a Holiday. For art, as Laura Marx writes, is not that which confirms feelings, but that which creates them anew.

Dinner/Bildungsroman of Sylvia Woolf and Virginia Plath. Voronezh, September 1, 2018. Exhibition view

Эти скульптуры из ткани напоминают постсоветскую практику «разоблачения» деятелей советской истории. Новые и старые теории заговора приходят на место вытесненных советскими правителями фактов и историй: за железным занавесом стоит человек-немецкое золото, или человек-жестокий чекист, или же человек-предатель-оппортунист-ревизионист, человек-убийца космонавтов.

Конкретные мотивы в этих скульптурах (трафарет, абажур, постамент) взяты из жизни такой спорной фигуры, как писатель Николай Алексеевич Островский. Уроженец Волыни, он прославился полуавтобиографическим романом 1932–34 гг. о гражданской войне – «Как закалялась сталь». Через два года после публикации первой части романа, которая пользовалась большой популярностью у читателей, вышла статья в газете «Правда», где сообщалось, что автор, как и герой романа Павка Корчагин, ослеп и прикован к постели – и Островский моментально стал представителем аскетическо-героической традиции в соцреалистическом каноне.

ЗАЩИТОВИДНАЯ ЖЕЛЕЗА

или, РАЗ/ОБЛАЧЕНИЕ

Кейт Сейдел

Kate Seidel

Security Gland

or, Un/cover-up

После распада СССР официальная фетишизация и сближение биографии Островского с биографией его литературного героя неожиданно спровоцировали разного рода разоблачения. Якобы он не смог бы написать такой роман даже под диктовку, и это сделали редакторы из «Молодой Гвардии» – ведь в официальной биографии Островского на передний план выходил военный опыт, а не наличие среднего и незаконченного высшего образования. В постсоветской Украине бригадный комиссар (!) Островский подвергается декоммунизации – хотя он скорее всего участвовал в гражданской войне подростком, во время летних каникул.

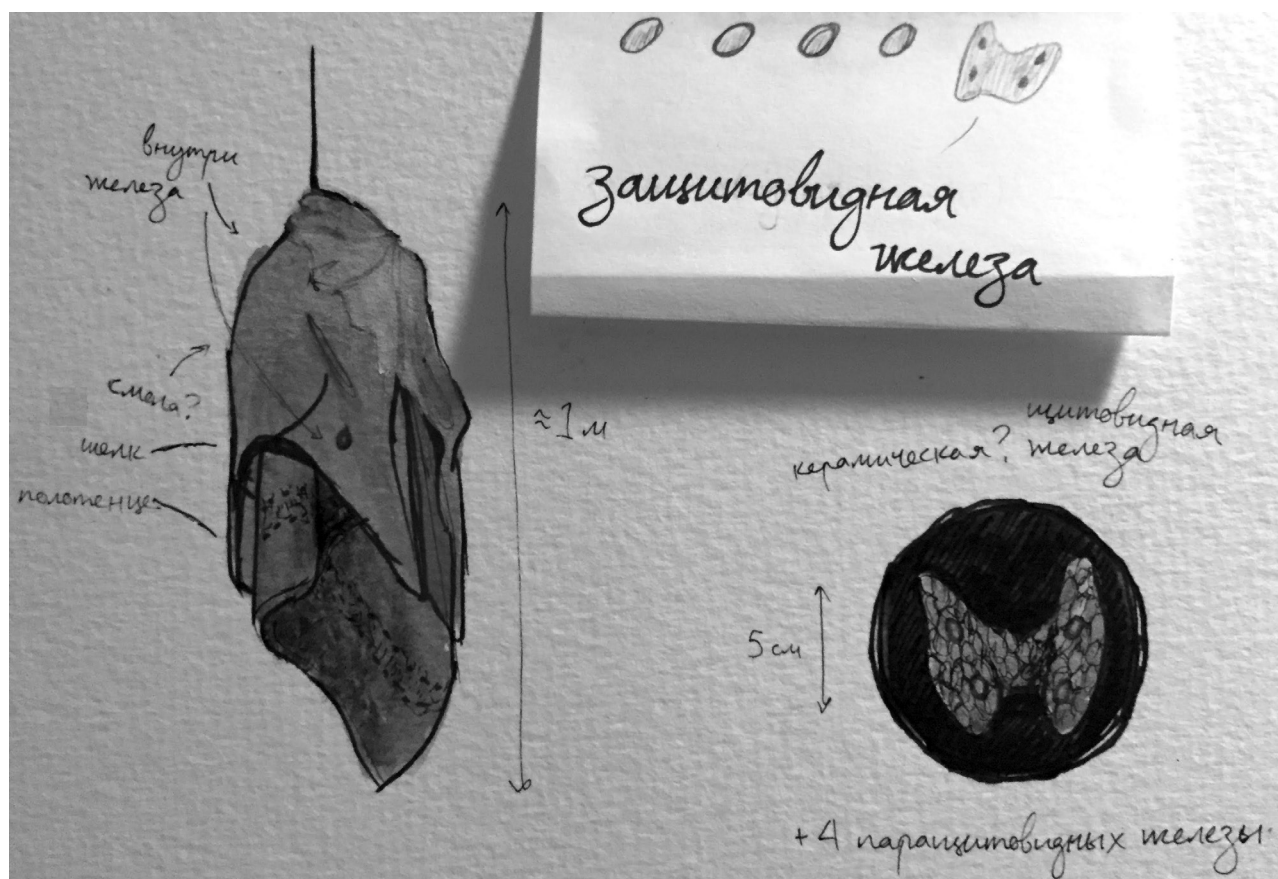
Вместе с тем сегодня в российских музеях и в памяти поколений, проходивших советскую школьную программу, сохраняется деполитизированное «облачение» святого Островского. Он «совершил духовный подвиг», «победил болезнь», «преодолел свои физические недостатки», чтобы стать писателем. Но непонятно, с одной стороны, ради чего все это делалось, а с другой – были ли вообще в жизни Островского социально-исторические препятствия его самореализации. Сам Островский боялся не столько потери зрения и ограничения подвижности, сколько возможной потери трудоспособности и последующего исключения из коллектива – что и сделало его идеальным советским гражданином.

С одной стороны, эта работа – мое «озлобленное», «психологически троцкистское», «объективно контрреволюционное» разоблачение сталинизма. Название отсылается к случаю медицинского насилия в жизни Островского, который не вошел ни в КЗС, ни в его официальную биографию, поскольку его трудно было переосмыслить с точки зрения аскетического идеала добровольного самоотречения. В 1930-е г. врачи одной московской больницы прооперировали парализованному Островскому параситовидные железы против его воли. (1)

С другой стороны, я надеюсь, что в контексте коммунистического, относительно «безопасного» пространства выставки эти тканевые объекты превратятся из потерянных желез – вытесненного артефакта сталинского посягательства на уязвимое/инвалидизированное тело – в теплое облачение-опору-протез для сокращаемых, подверженных жесткой экономии на медицине, непригодных для рынка труда постсоветских тел, в точку возможной пост-пост-советской солидарности.

Прим:

1) Спасибо сотрудницам Областного литературно-мемориального музея Николая Островского в Шепетовке за то, что обратили мое внимание на этот эпизод. О нем можно прочитать в биографии Тамары Андроновой «Слишком мало осталось жить» (Москва, 2014 г., стр. 130).

These fabric sculptures allude to the post-Soviet practice of “exposing” key figures in Soviet history. New and old conspiracy theories take the place of facts and histories marginalized by Soviet rulers. Behind the iron curtain stands a little man at the controls—“German gold” sponsoring the Bolsheviks, a vicious secret policeman, or, on the other hand, an opportunist, revisionist traitor, a cosmonaut murderer.

The specific motifs in these sculptures (the grid, the lampshade, the pedestal) are taken from the life of one such controversial figure, the author Nikolai Alexeyevich Ostrovsky. Ostrovsky, who was born in northwestern Ukraine, is famous for his 1932–34 semi-autobiographical novel about the Civil War, *How the Steel Was Tempered*. Only two years after the publication of the first part of the novel, which was popular among readers, an article appeared in *Pravda* informing readers that the book’s author, like its main character Pavka Korchagin, was bed-bound and blind. Ostrovsky instantly became a representative of the ascetic/heroic tradition in the Socialist Realist canon.

After the collapse of the USSR, the official fetishization and blurring of the lines between Ostrovsky’s biography and that of his character unexpectedly provoked all sorts of exposés. It was alleged that Ostrovsky could not have written such a novel, even by dictating it, and it must have been done by editors from the Young Guard publishing house—after all, Ostrovsky’s official biography emphasized his military experience, and not his secondary or unfinished higher education. In post-Soviet Ukraine, Ostrovsky the brigade commissar (!) is subject to decommunization—even though he most likely was involved in the Civil War as a teenager during his summer breaks.

At the same time, the image of a saintly, depoliticized Ostrovsky survives today in Russian museums and in the memory of the generations that studied the Soviet curriculum in school. He “accomplished a spiritual feat,” “triumphed over his illness,” and “overcame his physical defects” in order to become a writer. It is unclear why, on the one hand, Ostrovsky went to those great lengths, and, on the other, if he experienced any social/historical obstacles to his self-realization at all. Ostrovsky himself was less afraid of losing his vision and mobility than of potentially losing his ability to work and subsequently being excluded from the collective—which is what made him an ideal Soviet citizen.

On the one hand, this work is my own “embittered,” “psychologically Trotskyist,” “objectively counterrevolutionary” exposé of Stalinism. The name alludes to an experience of medical abuse in Ostrovsky’s life that didn’t make it into *How the Steel Was Tempered* or into his official biography, since it was hard to make sense of through the lens of the ascetic ideal of voluntary self-limitation. In 1930, doctors at one Moscow hospital operated on the paralyzed Ostrovsky’s parathyroid glands against his will. (1)

On the other hand, I hope that, in the context of the communist and relatively “safe” space of the exhibit, these fabric sculptures will turn from lost glands—a repressed artefact of a Stalin-era violation of a vulnerable/disabled body—into a warm garment/support/prosthesis for unmarketable, cut-back post-Soviet bodies that have been subject to austerity in healthcare; and into a point of potential post-post-Soviet solidarity.

Footnotes:

1. I am grateful to the staff of the Nikolai Ostrovsky Museum in Shepetivka, Ukraine for pointing this story out to me. Russian speakers can read more about it in Tamara Andronova’s biography of Ostrovsky (Moscow, 2014, p. 130).

Метод чтения

Проблемный коллектив

Problem Collective

A Method of Reading

Сочетая художественные практики, исследования и письмо, «Проблемный коллектив» фокусируется на изучении культурной памяти, (пост)советского, политической истории, архитектуры и телесности восточно-европейского региона. В последнее время группа была сосредоточена на исследовании Павильона МОПР на Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставке в Минске (1930 г.). Павильон МОПР был построен и оформлен художником и конструктором Александери Ахола-Вало, который в рамках экспериментального дисплея зафиксировал историю политического насилия. В фигуре Ахола-Вало пересекаются разные дискурсы, интересующие наш коллектив. Финн по национальности, он стал видным деятелем белорусской советской культуры 20-х годов, а также работал в Москве и Одессе, Финляндии и Швеции, тем самым являя собой пример интернационального художника. Его биография ставит вопрос о возможности присвоения каким-либо из государств его наследия, тем самым отражая занимающие нас вопросы центра и периферии, а также вопрос деколонизации региона.

Обращение к наследию исторических авангардов из тех пространств, которые из центров художественных экспериментов стали постсоветскими окраинами (например, Витебск и Харьков, Баку и Воронеж) позволяет проблематизировать «национальное» в «русском» авангарде и смотреть на авангард, в отличие от националистических и шовинистических дискурсов борьбы за присвоение, как на сеть институций, сотрудничества и личных траекторий его протагонистов. Хорошей метафорой нашей работы может быть картина из Гродненского историко-археологического музея «Человек с лопатой» (предположительно авторства Казимира Малевича). Работа была конфискована при попытке вывезти ее за границу в 1990-х годах. Экспертизу не проводят, скорее всего, потому, что картина может лишиться авторства, а для музея предпочтительней иметь «предполагаемую работу Малевича», чем утвержденную подделку. Призрачный и неустойчивый статус картины – пример политической и культурной неопределенности, что в свою очередь открывает возможность для третьего взгляда на наследие авангарда, а также на историческую память в постсоветском регионе и на такие процессы, протекающие с 1990-х годов, как перераспределение капитала, переизобретение ценностей и идеологий.

Проблемный коллектив организовал серию чтений, посвященных «Списку Экспонатов Павильона МОПР» – историческому документу, найденному в Национальном архиве Республики Беларусь. В поле нашего интереса – письма, архивные документы и методические материалы, а также пространства, связанные с текстом, (само)образованием, социалистической и политической историей. Как единственное свидетельство, помимо небольшого количества фотоизображений отдельных частей выставки, документ перечисляет экспонаты, размещенные в Павильоне МОПР на

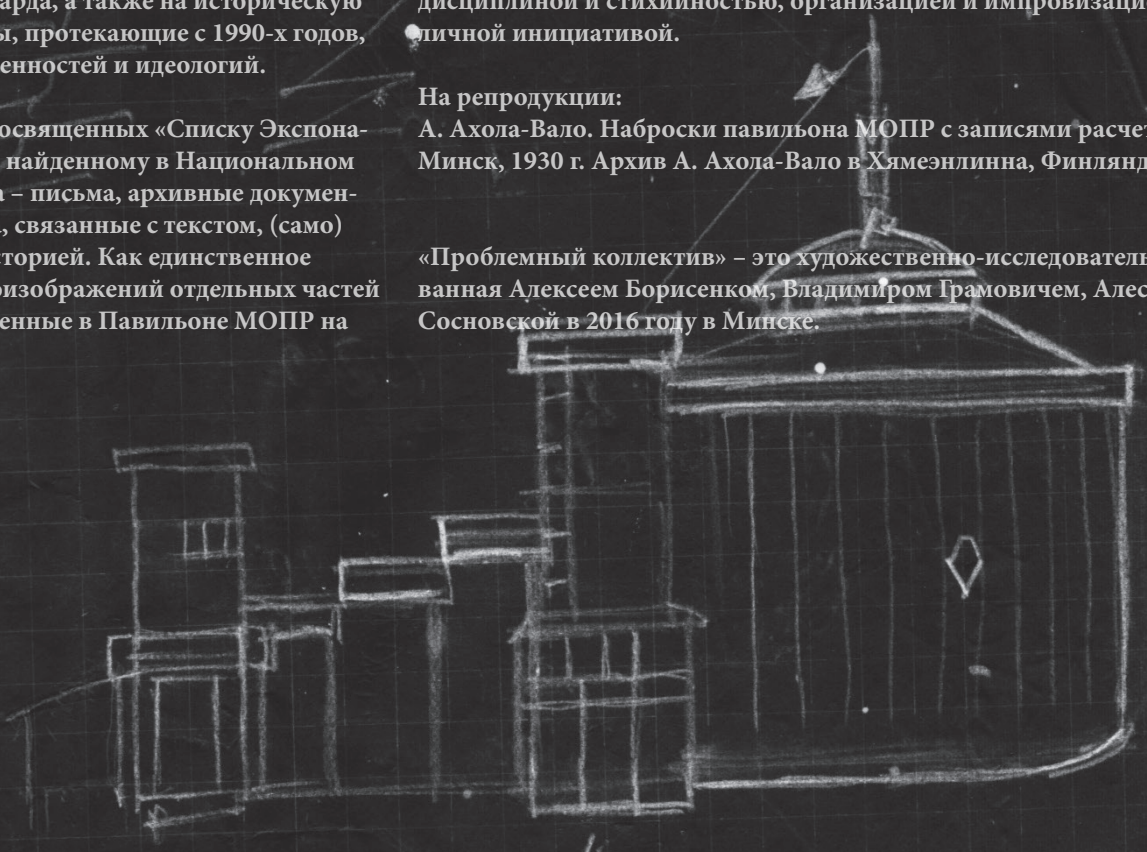
Первой Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставке в Минске (1930 г.). Список включает около 200 пунктов административного перечисления объектов, находившихся на выставке: от названий художественных работ до мебели. Часто пункт имеет только название, оставляя материальные характеристики и статус объекта неизвестными. Тем не менее, обращение к этому материалу, как нам кажется, дает возможность реконструировать выставку – прежде всего в ее дискурсивном измерении. Каждая сессия чтения отрабатывает несколько методик прочтения, разработанных с учетом специфики документа. Формат группового чтения соединяет перформативный жест и акт коллективного производства знания.

Вдохновляясь методиками раннесоветских читальных групп, направленных на самообразование крестьян и рабочих, деконструируя их, а также рассуждая о современных особенностях чтения и текста, «Проблемный коллектив» предлагает работать в рамках протокола, или того, что может быть названо «партитурой» чтения. В истории искусства партитура (score) – «это система обозначений, которая соединяет материал дисциплины <...> и ее системы знаний с языком, который производит ее описание, передачу и значения с целью быть прочитанной, актуализированной или исполненной в любой желаемой форме». Партитура, в отличие от фото-, видео- или текстовой документации, устанавливает сложные отношения со временем: в отличие от линейной темпоральности документации (фиксация момента прошлого), исторический материал становится непредсказуемым в момент исполнения партитуры. Исторический документ или действие могут быть «исполнены» разными группами, разными способами, а кроме того, исполнитель имеет право на импровизацию. Используя подобный метод, «Проблемный коллектив» рассматривает не только на обращение к какому-либо существенному историческому материалу, но и на его телесное переживание. Протокол чтения предполагает работу группы через различные методики чтения, постановку вопросов и расположение тела в коллективном пространстве образования. Партитура содержит диалектику между педагогической дисциплиной и стихийностью, организацией и импровизацией, коллективностью и личной инициативой.

На репродукции:

А. Ахола-Вало. Наброски павильона МОПР с записями расчетов. Бумага, карандаш. Минск, 1930 г. Архив А. Ахола-Вало в Хямеэлинна, Финляндия

«Проблемный коллектив» – это художественно-исследовательская группа, основанная Алексеем Борисенком, Владимиром Грамовичем, Алесей Житкевич и Олей Сосновской в 2016 году в Минске.

Bringing together artistic practice, research, and writing, Problem Collective focuses on the study of cultural memory, the (post-)Soviet, political history, architecture, and embodied experience in the Eastern European region. Recently, the group has concentrated on studying the International Red Aid (MOPR) pavilion at the 1930 First All-Belarusian Agricultural and Industrial Exhibition in Minsk. The MOPR pavilion was built and designed by the artist and architect Aleksanteri Ahola-Valo, who recorded a history of political violence in his experimental display. Various discourses of interest to our collective intersect in the figure of Ahola-Valo. An ethnic Finn, he became a prominent actor on the Belarusian Soviet cultural scene of the 20s, and also worked in Moscow and Odesa, Finland and Sweden, thus exemplifying the international artist. His biography prompts us to ask if it is possible for any of these states to appropriate his legacy, thus reflecting the questions of center and periphery and the decolonization of the region that we are engaged with.

Turning to the legacy of historic avant-gardes from places that have gone from centers of artistic experiment to post-Soviet borderlands (for example, Vitebsk and Kharkiv, Baku and Voronezh) allows us to problematize the “ethnic” in the “Russian” avant-garde and—unlike the nationalist and chauvinist discourses of the fight to appropriate—to see the avant-garde as a network of institutions, collaborations, and personal trajectories of its protagonists. A good example of a metaphor for our work is the painting *Man with a Shovel* from the Hrodna Historical and Archeological Museum, attributed to Kazimir Malevich. The work was confiscated during an attempt to cross the border with it in the 1990s. No expert assessment is

being carried out, presumably because the painting could lose its attribution, and the museum would prefer to have a “presumed Malevich work” than a genuine forgery. The elusiveness and impermanent status of the painting is an example of political and cultural indeterminacy that, in its turn, allows for a third look at the legacy of the avant-garde, as well as at historical memory in the post-Soviet region, and at processes that have flowed out of the 1990s, such as the redistribution of capital and the reinvention of values and ideologies.

Problem Collective has organized a series of readings dedicated to the “List of Objects Displayed at the MOPR Pavilion”—a historical document found in the National Archives of the Republic of Belarus. Letters, archival documents, and teaching aids are all on our radar, as are spaces related to texts, (self-) education, and socialist and political history. As the only testimony, aside from a few photographic depictions of certain sections of the exhibition, this document enumerates the items displayed in the MOPR Pavilion at the 1930 First All-Belarusian Agricultural and Industrial Exhibition in Minsk. The list includes around 200 administrative entries for objects at the exhibition, from the titles of artistic works to the furniture. Often, the entries include only a title, leaving the material characteristics and status of the object a mystery. Nonetheless, using this source, it seems to us, allows us to reconstruct the exhibition, and above all, its discursive element. Each reading session will test out several methods of reading developed with the specificity of this document in mind. The format of a group reading unites performative gesture with the act of the collective production of knowledge.

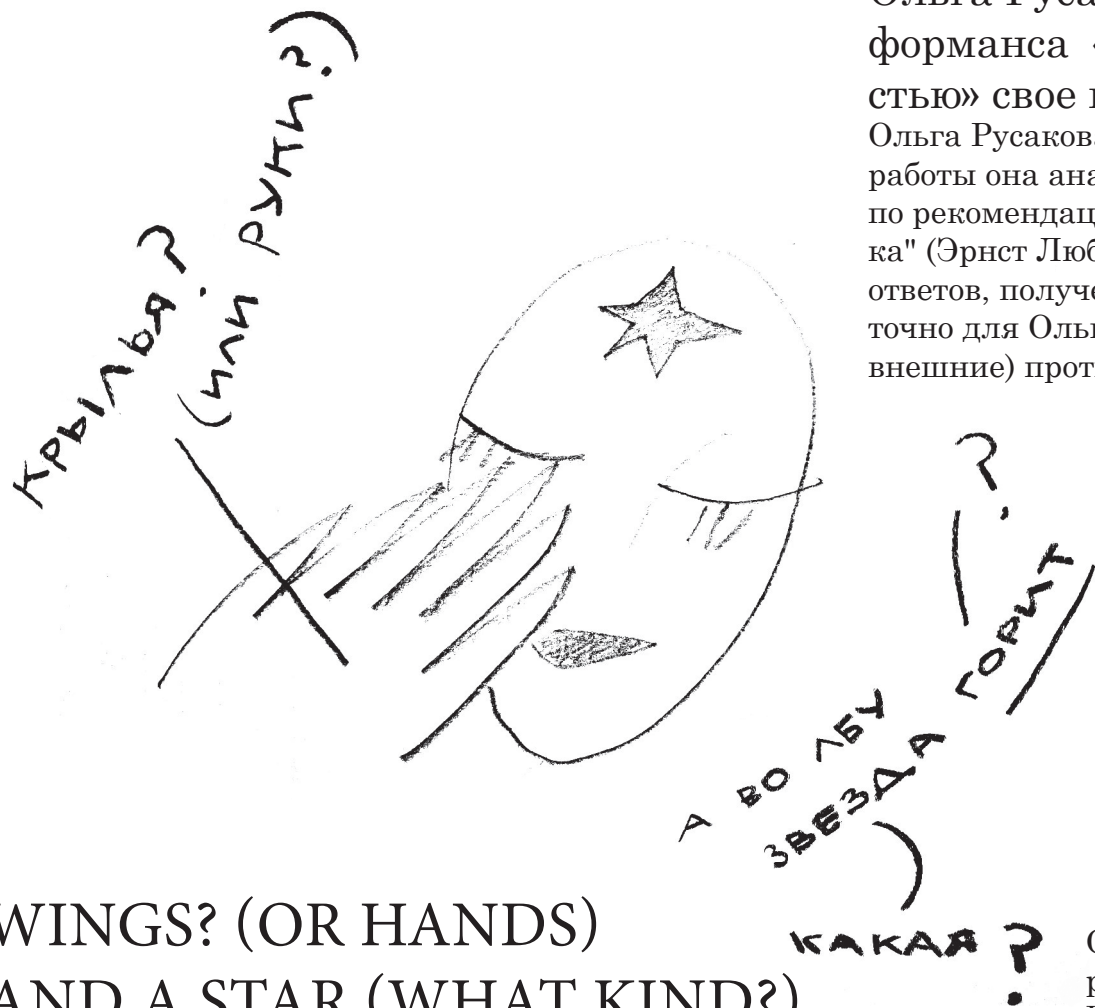
Drawing inspiration from and deconstructing the techniques of early Soviet reading groups meant to help peasants and workers educate themselves, as well as thinking through the contemporary specificities of reading and texts, Problem Collective proposes that we work within a protocol, or what could be called a reading “score.” In art history, a score is a “notational device that connects the material of a discipline... and its systems of knowledge to a language that produces description, transmission, and signification, in order to be read, enacted, or executed in whatever form desirable.” A score, unlike photo, video, or textual documentation, establishes a complex relationship with time: unlike the linear temporality of documentation (fixing a moment in the past), historical documents become unpredictable at the moment the score is performed. A historical document or an action can be “performed” by different groups in different ways; in addition, the performance of the score is tied to improvisation.

In using such a method, Problem Collective is counting not just on addressing any given substantive historical material, but also on the embodied experience of it. The reading protocol comes out of a narrative of the work of the group through various methods of reading, asking questions, and placing our bodies in a collective space of education. The score contains a dialectic between pedagogical discipline and spontaneity, organization and improvisation, collectivity and individual initiative.

Problem Collective is an art/research group founded by Aleksei Borisonok, Uladzimir Hramovich, Alesia Zhitkevich and Olya Sosnovskaya in 2016 in Minsk.

Ольга Русакова представила в рамках обучающего перформанса «Товарищество с безграничной ответственностью» свое выступление «О своём, о девичьем»
 Ольга Русакова знает, что личное это политическое. В процессе групповой работы она анализировала свой личный/товарищеский опыт. Посмотрев по рекомендации Оксаны Тимофеевой романтическую комедию "Ниночка" (Эрнст Любич, 1939), она нашла в себе сходство с главной героиней, но ответов, полученных в фильме Ниночкой — Ниной Якушовой — не достаточно для Ольги Русаковой, и её по-прежнему терзают внутренние (да и внешние) противоречия."

WINGS? (OR HANDS)
 AND A STAR (WHAT KIND?)
 BURNING (?)
 ON HER FOREHEAD

Olga Rusakova presented her performance Between Us Girls as part of the learning performance Unlimited Liability Comradeship. Laboratory participant Olga Rusakova knows that the personal is political. As the group project developed, she analyzed her own personal/comradely experience. Upon watching the romcom Ninotchka (dir. Ernst Lubitsch, 1939) on Oxana Timofeeva's recommendation, she discovered her own similarity to the main character, but the answers that Ninotchka—Nina Yakushova—is given in the film are not enough for Olga Rusakova, and she remains tormented by internal (as well as external) contradictions.

Побыть наедине с собой в ситуации вынужденного или добровольного коллективного мероприятия.
 Выйти в туалет -- как экскуз. (Я такой использовала многократно в школе)
 Туалет напоминает мне, что я женщина. Я встречаю женщин, которые нетоварищески красивы. Здесь же работающие женщины-мигрантки. Я могу посмотреть на себя и увидеть что-то товарищеское в себе и что-то нетоварищеское.

Being alone with yourself in the context of an involuntary or voluntary collective event. Leaving to go to the bathroom—as an excuse. (I used it a lot in school.) The bathroom reminds me that I am a woman. I encounter women who are beautiful in an uncomradely way; here, too, are immigrant working women.

I can look at myself and see something comradely in myself and something uncomradely.

текст из видефильма «**Всё будет хуже пока не кончится**» см. <https://youtu.be/6LjdTfXU0>
реализованной группой «**Анти**» курса переквалификации (Алексей Ачо, Богачева Таня, Пилипюк Анна и Стрижова Лиза)

Многие знают, что я, как и Боря Ключников, подвизался на поприще стендапа. Истории школьных эпикфейлов от меня вы ещё сможете услышать, а пока послушайте о волнующем сегодня всех явлении постправды или постиронии. Как мне рассказывал свидетель событий, в позднем Советском Союзе шутили, что есть газета «Правда», в которой нет известий, и есть газета «Известия», в которой нет правды.

Художник **Юрий Альберт** пишет нам из Германии:

«Заметил, – говорит, – интересную вещь: те же самые люди, которые до сих пор сомневаются, требуют доказательств и решения суда в случаях сбитого Боинга или отравления Скрипалей и других жителей Солсбери, не испытывают никаких сомнений по поводу того, кто виноват в страшной гибели людей в одесском Доме профсоюзов».

Вот и Боря пишет: «Художественное должно, – говорит, – вобрать в себя институциональное и сделать его своей частью. А если вы не понимаете этого, вы замыкаетесь в локализме.

Создаете произведение из шестидесятых годов, которое не выйдет из противоречий капитализма ваще. Вы уходите от работы и от противоречий, и от ответственности, выстраивая свою собственную замкнутую непротиворечивую анахроническую фантазию».

Вот и Мао говорил Боре: «Сталину, – говорит, – была свойственна тенденция к отрыву от марксизма-ленинизма, которая конкретно проявилась в отрицании противоречий. Сталин толковал материализм и диалектику, однако фактически страдал субъективизмом. Сталин толковал и диалектику, фактически же это была метафизика. К примеру, говоря в «Истории ВКП(б)» о диалектике, он отодвигает противоречия на задний план».

Как ни предупреждал нас Лакан, что «нам должен претить новомодный обычай откапывать тень, а потом, чтобы прослыть за хорошую охотничью собаку, делать вид, будто нашел падаль».

Или как сказал Деррида Балибару: «Прошлое никогда не было настоящим и никогда им не станет».

Тем не менее, я зарылся в архивы, и вот, что мне удалось отыскать среди пыльных книг: в конце 50-х известный советский разведчик Александр Кожев просвещал своих молодых французских друзей: Деррида, Альтюссера и других.

Говорит им: «Мы даже можем сказать, что Форд был единственным великим и подлинным марксистом XX столетия.

А все так называемые теоретики марксизма были в большей

или меньшей степени “романтиками”, поскольку они искажали марксистские теории ради того, чтобы приспособить их к некапиталистическим отношениям. Ни в одной высокоразвитой стране, за исключением России, сегодня нет “пролетариев”, то есть тех действительно бедных слоев населения, которые в состоянии только выживать, и не имеют никакого избытка. В так называемых «капиталистических» странах все более или менее богаты, а не бедны, поскольку все живут в них в условиях пусть относительного, но изобилия. Но если взять мир в целом, то в глаза сразу бросается гигантский пролетариат, причем именно в марксистском смысле этого слова. Разумеется, сказанное мною следует принимать cum grano

salis. Иначе говоря, это шутка, но из тех шуток, которые философы называют “сократической иронией”. Если всерьез, то закон современного западного мира заключается для меня в том, что я, импровизируя, назвал “дающим колониализмом”. Он является “законом”, а потому раньше или позже все промышленно развитые страны ему подчинятся. Этот метод практикуется сегодня только двумя странами, Францией и Англией».

(Конечно, Александр Кожев шутит, ведь не может быть никаких сомнений в том, что Кожев не читал ни Балибара, ни его американского друга!)

Или как говорил в таких случаях товарищ Сталин: «...что такое пролетариат? Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но кто же такие капиталисты? Капиталисты — это класс, эксплуатирующий пролетариат».

А тем временем Комар по ночам пел на ушко Меламеду: «Верю, потому что абсурдно». Или это был Тертуллиан?

А нет, **Тертуллиан шептал Кьеркегору:** «Credo quia absurdum est», а «Верю, потому что абсурдно» – это уже Меламед Комару.

Разумеется, все сказанное здесь – это шутка, но она из тех шуток, которые называются «пост-иронией». А если серьезно, то пост-советское не касается какой-то отдельной территории, и оно наступило не в один момент для всех, но в разных местах и в разное время принадлежало многим людям. Например, для Деррида и его друзей, Альтюссера – тех, кто слушал Кожева, – для них постсоветское наступило вот как раз в эти

50-е, вскоре после смерти Сталина.

А вот, например, для Френсиса Фукуямы постсоветское наступило в конце 80-х. **А Деррида ему тогда говорит:** «Френсис, да ты успокойся, попей водички, уже праздновали конец истории и конец советского, и постсоветское 40 лет назад, оставиздело уже всё это».

Что нам до давно минувших дней. Или как говаривал Карл – Фридриху, а Ленин говаривал Герцену: «Предоставь мёртвым хоронить своих мертвецов».

А Летов им говорит: «Ребятки, вы не волнуйтесь, попейте водички.

*Мёртвые не сеют и не жнут
Не хоронят, не скорбят*

*Словно целый мир, словно снежный ком,
Словно напрямик, наугад, напралом...
ну а дальше вы сами и знаете, что было...*

[музыка]

АЛЕКСЕЙ АЧО / ALEXEI ACCIO

cum grano salis (с щепоткой соли / with a grain of salt)

Text from the videofilm **Everything Will Get Worse Until It Is No More**

watch at <https://youtu.be/6LjdTfXU0>
by the requalification course's Anti Group (Alexei Accio, Tanya Bogacheva, Anna Pylypyuk, and Liza Strizhova)

A lot of you all know that I, like Boris Klyushnikov, have received the calling to be a stand-up comedian. You can listen to the story of my epic fails in school later, but right now you're going to hear about the phenomena that are worrying everyone today, post-truth and post-irony. As an eyewitness once told me, in the late Soviet Union, people used to joke that there's no news in Pravda (“the truth”) and no truth in Izvestiya (“the news”).

The artist Yuri Albert writes to us from Germany: “I noticed,” he says, “an interesting thing: the same people that are still skeptical and demand proof and a court decision in the case of the shot-down Boeing or the poisoning of the Skripals and other Salisbury residents have no doubts as to who is to blame for the horrible deaths in the Odesa Trade Union’s House.”

So Boris writes: “The artistic should,” he says, “absorb the institutional into itself. And if you don't understand that, you're limiting yourself to localism. You're making a work from the sixties that will totally fail to transcend the contradictions of capitalism. You're avoiding work and contradictions, and responsibility, constructing your own closed, uncontradictory, anachronistic fantasy.”

So Mao says to Boris: “Stalin,” he says, “had a tendency to deviate from Marxism-Leninism. A concrete expression of this is his negation of contradictions. Stalin spoke the language of materialism and the dialectical method, but in reality he was subjectivist. Stalin also spoke of the dialectical method, but in reality he was metaphysical. For example, in the History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), he wrote of the dialectical method, but put the theory of contradictions only at the very end.

Didn't **Lacan warn us** that “we should repudiate the mode of unearthing a shadow and then pretending it is carrion, repudiate being valued as hunting dogs”?

Or, as **Derrida said to Balibar**, “The past has never been present and never will be.” Still I buried myself in the archives, and this is what I managed to hunt down among the dusty books: In the late 50s, the famous Soviet secret agent Alexandre Kojève enlightened his young French friends, Derrida, Althusser, and others.

He told them: “We can even say that Ford was the only great, authentic Marxist of the 20th century. All other so-called theorists were, more or less, “Romantics” who, moreover, distorted the Marxist theories in order to apply them to non-capitalist relations. In no industrialized country—except for Russia—today is there a “proletariat” in the Marxist sense, i.e. really poor classes of the population who can only just subsist and have no real affluence. In the so-called “capitalist” countries everybody is, more or less, equally rich and not

poor; for everybody there lives in—relative, to be sure—affluence. But if one takes the real world as a whole, however, then one immediately sees a gigantic proletariat, precisely in the true Marxist sense of this word.

Certainly, what has just been said should be taken cum grano salis (with a grain of salt). Or, in German: it was a joke. But the philosophers call such a joke “Socratic irony.” But the nomos of the modern Western world is, for me, undoubtedly what I have called, in an improvised way, “giving colonialism.” And because this colonialism is “law,” all industrialized countries will, sooner or later, submit to it. This method is applied by only two countries today, namely by France and England.

(Of course Alexandre Kojève is joking, since there can be no doubt as to the fact that Kojève hadn't read either Balibar or his American friend!)

Or, as **Comrade Stalin would say in such cases:** “...what is the proletariat? The proletariat is the class exploited by the capitalists. But who are the capitalists, then? The capitalists are the class that exploits the proletariat.”

Meanwhile **Komar sang into Melamid's ear** at night: “I believe, because it is absurd.”

Or was that Tertullian? No, **Tertullian whispered to Kierkegaard:** “Credo quia absurdum est,” and “I believe, because it is absurd” was **Melamid talking to Komar.**

Certainly, everything I have said here is a joke, but the kind of joke that is called “post-irony,” or, jokes aside, the post-Soviet is not about one particular territory and it didn't arrive at one given moment for everybody, it belonged to many people in different places and at different times.

For example, the post-Soviet arrived back in the 50s, soon after Stalin's death, for Derrida and his friends and Althusser, for those who were listening to Kojeve.

Whereas for Francis Fukuyama, for example, the post-Soviet arrived in the late 80s. **So Derrida says to him,** “Take it easy, Francis, have a sip of water, we already celebrated the end of history and the end of the Soviet, and the post-Soviet, 40 years ago, we're so over that shit.”

Why should we care about the old days? Or, as **Karl liked to say to Friedrich, and Lenin liked to say to Herzen:** “Let the dead bury their dead.”

But **Letov tells them:** “Guys, don't worry, have a sip of water.

*The dead don't sow, they don't reap
They don't bury, they don't weep
Like a whole world, like a snowball
Straight there, at random, headlong...*

Well, you all know what came next...

[music]

ГРУППА САМООРГАНИЗАЦИИ В ДК РОЗЫ*

The Rosa's House of Culture* SELF-ORGANIZATION GROUP

ОТРЫВКИ ДИСКУССИИ

excerpts from a discussion

>>>> наша самоорганизованная группа сшита безконкурентными взаимоотношениями, мы Bay! - неэффективны, не движемся, но и не стоим, ветвимся узелками дружбы и разности, проживаем совместный опыт. Так появляется тепло нагретого места, тепло под коленями, тепло прикосновения, тепло покрасневшего лица. Мы разговариваем, слышим голос друг друга и тех кому нужно высказаться. Это сложно, можно стать ловушкой и самой в нее попасть, можно обидеться и обидеть. Как, увернувшись от вежливости, стать солидарной?

>>>> для меня самоорганизация и коллективное управление - это обнять нежно и крепко, сказать - «все будет хорошо, мы справимся» и побажать успокаивающе. Это отношение к пространству тревожное и вместе с тем трепетное. Тревожное - справимся ли? Сколько сил у меня в очередной раз уходит на неоплачиваемый труд? Не сильно ли я вкладываюсь, забывая о заботе о себе? Или, наоборот, недостаточно? И трепетное - потому что каждый раз своими силами возможно создавать маленькое чудо. У нас прошло интересное и значимое мероприятие, у нас увеличилось количество кружков, нам удалось оплатить коммуналку, нам, в конце концов, удалось не перессориться. Это общая идея, вокруг которой создается сообщество. Сообщество странное, нервное, слегка еще ершистое, но вроде уже важное и неотчужденное.

>>>> Группа самоорганизация находится где-то между полюсом Autoorgy и Розовыми встречами. > Самоорганизация, саморегуляция, самооборона, самообеспечение и самосглаз - став практиками коллективными - могут стать практиками товарищества. Принцип товарищества важен, как разделение политического воображения. >Чертовщина залог товарищества. Товарищи - это персонажи пограничного толка включенные/исключенные из социального поля. Скакать между бинарных ворот, на границах, в разных матрицах и перформативно создавать пространство между - друг для друга - это значит самоорганизовываться.>> Основной внешнеполитический канал для нашей инициативной группы базирующейся в ДК Розы - сон-подкаст. Это источник коллективной теории установленный в качестве транслокальной практики. Записанная речь - товарищеский дар, может оставаться фрагментированной, мусором чужого сообщества. Режим прослушивания - коллективное нахождение между сном и бодрствованием, в гипнабельном состоянии, объединяет наши локальные повестки и общие места. Создание горизонтальных трудностей, экономика дара, а также транслокальность - как альтернативный принцип - в бинарной паре локальное/глобальное - завещание самоорганизованным местам и аутоорганизованным агентам.

>>>> для меня самоорганизация и коллективное управление - это... Институт по воспитанию нового человека, товарища, если хотите. Любое коллективное управление чрезвычайно хрупко. Базар и диктатура - его Сцилла и Харибда. Мы учимся вместе достигать поставленных целей. Эффективность без диктатуры, иерархии и репрессий, эффективность заботы и внимания. Распределенная ответственность: держи свое плечо наготове, чтобы надавить с товарищем, чтобы подставить товарищу. Самоорганизация - это там, где и от тебя что-то зависит. Мы вытравляем в себе потребительскую логику. Мы выскабливаем из себя стремление к конкуренции, потому что благо может быть только общим. Ответственность за общее благо лежит на каждом, и чтобы оно было общим, оно должно быть благом каждого. Это наша маленькая экспериментальная машина по созданию нового общества, а мы ее детальки. Эта машина будет барахлить, но главное, чтобы детальки не испортились и не разочаровались.

>>>> ДК - дом, а не просто пространство, где каждый/каждая из ведущих проводят кружки, не коммунальная квартира, где встречаются случайно на кухне, но скорее коммуна, где встречаются специально, потому что хотят вместе посмотреть на облака над общим горизонтом. Дом дружбы из сказки про крокодила гену и Чебурашку. Самоорганизация - это строительство этого самого дома. Мы приглашаем каждую и каждого строить вместе с нами.

>>> our self-organized group is sewn together from non-competitive relationships, we are—wow!—ineffective, we don't move and we don't stand, either, we branch into nodules of friendship and differentness, we live together. That's how the warmth of a warmed-up spot appears, the warmth of a touch, the warmth of a blushing face. We talk, we hear each other's voices and the voices of those who have something to say. This is hard; you can turn into a trap and fall into it yourself, you can offend and be offended. How can we, steering clear of politeness, reach solidarity?

>>>> for me, self-organization and collective governance means... gentle and firm hugs, saying "It will be okay, we'll manage," and singing calming lullabies. It means an anxious yet reverent relationship to the space. Anxious, because: will we be able to pull it off? How much energy am I yet again spending on unpaid labor? Aren't I investing too much in this and forgetting about self-care? Or maybe I'm not doing enough? And reverent—because each time, our efforts are capable of creating a little miracle. We hosted an interesting and significant event, we increased our number of reading groups and clubs, we managed to pay the utilities, we at least managed not to get into a fight. It's the overarching idea that a community is springing up around. One that's weird, high-strung, and obstinate, but probably already significant and unalienated.

>>>> The Self-organization Group is somewhere between the extremes of Autoorgy and meetings at Rosa's. Having become collective practices, self-organization, self-regulation, self-defense, self-sufficiency, and self-jinxing can become practices of comradeship. The principle of comradeship is important as a division of political imagination. Devilry is the guarantee of comradeship. Comrades are borderline kinds of characters, included/excluded from the social field. Bouncing between binary gates, along borders, within different kinds of matrices, and performatively creating a space between—for each other—that means self-organizing. The main foreign policy channel for our working group, which is based in Rosa's House of Culture, is the sleep-podcast. It is a source of collective theory established as a translocal practice. Recorded speech is a comradesly gift; it can remain fragmented, the trash of an alien community. Listening mode is a collective floating between sleep and waking, in a hypnotically susceptible state, that brings together our local agendas and commonplaces. The creation of horizontal difficulties, the gift economy, as well as translocality—as an alternative principle—in the binary pair of the local/the global—are a bequest to self-organized places and autoorganized agents.

>>> For me, self-organization and collective governance means... An institute for cultivating a new kind of person, a comrade, if you will. Any collective governance is extremely fragile. The bazar and the dictatorship are its Scylla and Charybdis. We are learning to reach our goals together. Effectiveness without dictatorship, hierarchy, and purges, the effectiveness of care and attention. Distributed responsibility: keep your shoulder ready in order to push with your comrades, to back them up. Self-organization is where something depends on you, too. We are exterminating the logic of consumerism in ourselves. We are scraping out our striving toward competition, because the good can only be common. The responsibility for the common good lies with everyone, and for it to be a common good, it should be good for each one of us. This is our little experimental new society-creating machine, and we are its parts. The machine is bound to act up, but the main thing is for the parts not to be ruined or disappointed.

>>>> The House of Culture is a house. not just a space for each host to run their club or reading group, not a communal apartment where people run into each other in the kitchen—it's more like a commune, where people meet on purpose because they want to look at the clouds above their common horizon together. The house of friendship from the fairy tale about Crocodile Gena and Cheburashka. Self-organization is the process of building that very same house. We invite everyone to build with us.

ПР ОЗЫ ДК

ЧТО ЭТО: инициатива коллектива Что Делать, направленная на создание сообщества товарищей, объединенных в процессе творческой деятельности и самообразования. ДК РОЗЫ основан в 2015 году.

ПОЧЕМУ РОЗЫ: Роза - это красивый и очень колючий цветок. И это имя Розы Люксембург – великой фигуры истории революционного движения, которая одна из немногих является консолидирующим именем для различных фракций современных левых, разделяющих феминистскую повестку. Имя РОЗЫ это имя солидарности.

ПОЧЕМУ ДК: Проект опирается на историю Домов Культуры в социалистических странах, текущий опыт антикапиталистического развития социальных центров в Европе и Латинской Америки и тенденции прогрессивных арт-институций, ориентированных на развитие альтернативных аудиторий современного искусства.

КАК ЭТО РАБОТАЕТ: Пространство ДК РОЗЫ это место работы для различных кружков, семинаров и выставок и площадка для проведения различных публичных мероприятий (лекции, кинопоказы, дискуссии, вечеринки). В ДК Розы работает Школа Вовлеченного Искусства, а также уникальная открытая библиотека по современному искусству и активистской литературы. Координация деятельности ДК РОЗЫ осуществляется координационным советом всех постоянных участников. Работа ДК РОЗЫ осуществляется при поддержке Фонда Взаимопомощи коллектива Что Делать

*Rosa's House of Culture

* ROSA'S HOUSE OF CULTURE (RHC)

WHAT: an initiative of the collective Chto Delat based on commoning and solidarity economy aimed at creating a community of comrades engaging into cultural activity and self-education. Rosa's House of Culture was founded on 1st of May 2015 in Saint Petersburg.

WHY ROSA: A rose is a beautiful and very thorny flower. And, that's the name of Rosa Luxemburg, a great figure in the history of the revolutionary movement, who is one of the few consolidating names for different fractions of leftists today who share feminist demands. ROSA's name is the name of solidarity.

WHY A HOUSE OF CULTURE: This project draws on the history of Houses of Culture in socialist countries, the experience of social centers in Europe and Latin America, and the new politics of progressive art institutions that aim to overcome the alienation of the pure display and the passivity of the public. In contemporary Russia, we envision the House of Culture as a model that reestablishes a counter-public sphere (Nancy Fraser), serving as a "training grounds for agitation activities" with the ultimate goal of nourishing new sensibilities that are not always welcome around here, embracing the difference of many different species that may not want to become too visible, and protecting endangered and yet-unborn ideas. The House of Culture is a space for militant cultural environmentalism.

HOW IT WORKS: RHC is a space for running various workshops, reading groups, seminars, circles as well as a space for hosting different kinds of public events (lectures, film screenings, discussions, exhibitions and parties). RHC is home to the School of Engaged Art, as well as to a unique publicly accessible library dedicated to contemporary art and activist literature. The activities in RHC are coordinated by a self-management group and general assembly. The work of RHC is supported by the Chto Delat Mutual Aid Fund and by donations of its participants.

This publication was realized with the support of the Chto Delat Mutual Aid Fund (Chto Delat's initiatives in 2019 are supported by a Foundation for Arts Initiatives) and includes the contributions by participants in the "THE POST-SOVIET LABORATORY OF RELEARNING". The publication is a part of the exhibition *A Journey to the Big North in Search of the Other Rose Guided by the Libreluch Compass*, opened during the Saint Petersburg Curatorial Forum (October 3-6, 2019)

Эта публикация осуществлена при поддержке фонда взаимопомощи Что Делать (Инициативы коллектива Что Делать были поддержаны в 2019 году Foundation for Arts Initiatives) и она включает работы участников курса Переквалификации Постсоветских Исследований и их товарищей. Публикация является частью выставки *Путешествие на Большой Север в поисках кратера Другой Розы по компасу Либрелуч'а* в рамках Петербургского Кураторского Форума (03-06.10.2019)

Editor and lay-out: Dmitry Vilensky | Graphics: cover collage done with the work of Kirill Diomchev and photo from the project of Ilya Firdman. At the back: the collage by Vasilina Koshalina

Редактура и верстка: Дмитрий Виленский | Графика обложка: работа Кирилла Демчева (из серии конспекты) и фото из проекта Ильи Фирдмана. На заднике: коллаж Василины Кошалиной.

Translation and English proof reading: Kate Lyn Seidel | Корректурa русских текстов: Алена Исаханян

Благодарности: всем участникам ДК РОЗЫ; Группе Север-7

Thanks: to all participants of Rosa's House of Culture and Sever-7 (North-7)

все материалы номера на сайте Школы Вовлеченного Искусства в рубрике постсоветские исследования
all materials are available on-line at <http://schoolengagedart.org/post-soviet-studies>

Founded in 2013 in Petersburg, The School of Engaged Art is a radical art education initiative established by collective Chto Delat with the goal of nourishing a local community of creative workers who learn to use the language of art as a tool for social transformation based on the values of justice, comradeship and the solidarity economy.

Основанная в 2013 году в Санкт-Петербурге «Школа Вовлеченного Искусства» - это инициатива в области художественного образования, созданная коллективом «Что Делать», целью которой является формирование и поддержание местного сообщества творческих работников, для которых важно научиться пользоваться и созавать язык искусства, как инструмент для трансформации общества на основе ценностей справедливости, товарищества и солидарной экономики.

FAI

CC creative commons